

Убийство
в прямом эфире

16+

А.А.

Убийство в прямом эфире

«ЛитРес: Самиздат»

2019

А.А.

Убийство в прямом эфире / А.А. — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06928-2

По утрам Саша, алкоголик в завязке, стрижет кусты в городском парке. Сегодня она получит странное сообщение от дочери, которую бросила десять лет назад. Роза — ее дочь. В попытке выбраться из запертого гаража, она выйдет прямо оттуда в прямой эфир Инстаграм. Зага — инстадива, лицо с обложки MAXIM. Сегодня она тоже находится в гараже. Одну из этих женщин убьют, вторая — выложит убийство в прямой эфир, ну а третья — будет наблюдать. И даже лайк не поставит. Быть популярным или быть собой? А, будучи собой, возможно ли стать популярным?

ISBN 978-5-532-06928-2

© А.А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Матвей	5
Понедельник, 19 июня, утро	5
Роза	6
Понедельник, 19 июня, утро	6
Мать	9
Понедельник, 19 июня, утро	9
Матвей	12
Понедельник, 19 июня, утро	12
МАТЬ	14
Понедельник, 19 июня, утро	14
Роза	16
Понедельник, 19 июня, утро	16
Матвей	18
Понедельник, 19 июня, день	18
Роза	20
Понедельник, 19 июня, день	20
Мать	22
Сентябрь, 1989 г	22
Мать	25
Понедельник, 19 июня, день	25
Матвей	27
Понедельник, 19 июня, день	27
Мать	31
Май, 1993 г.	31
Мать	34
Май, 2007 г.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Матвей

Понедельник, 19 июня, утро

– Привет! Это Zara, можете оставить ваше сообщение после сигнала, и я его прослушаю...ахахах... может быть, – ну обалдеть теперь... «Zara»! Почему бы не найти личного секретаря, для такой дивной особы? Хотя секретарь навряд ли согласился бы на оплату чудо-расческами и порошками для похудения.

Впрочем, Зара – он тебе и не понадобится больше. Как жаль, как жаль. И все же телефон твой доступен. Где он? Гудки идут – не отвечаешь. Не можешь взять трубку? До сих пор думаешь, что я шучу с тобой? Глупая.

Уже минут пять не могу достать эту чертову сигарету! Пачка дрожит в руке – то ли с похмелья, то ли от нервов, с этой Зарой... я практически не спал все выходные. Будто из черного зеркала, с экрана мобильного на меня смотрит заросшее чудище. Да уж... с таким кустарником тебе только барбершопы рекламировать, или на ориентировки фоткаться. «Разыскивается! Серийный маньяк Матвей Архаров. Особые приметы: похож на Чубаку из «Звездных Войн». Надо бы привести себя в порядок, перед тем, как идти к ее родственникам, вот что.

Я делаю честную попытку встать с кровати, но поврежденный литром виски организм к такому рывку еще не готов, и я снова беспомощно залипаю на сигаретах. Девственно-белые, никем не тронутые фильтры, ровные как один. Но должна же быть среди прочих какая-то специальная, знаменательная сигарета «на сегодня»? Фильтры молчат.

– Siri, ты куришь? – посмотрим, что ты придумаешь в ответ. С Siri можно поговорить. Особенно если пьешь один. Из нее получилась бы классная девушка: в меру умная, в меру разговорчивая, готовая по щелчку удовлетворить любое твоё желание – идеальная. Иногда Siri отжигает: попробуйте спросить у нее: «Siri, труп воняет, что делать?». Спросили? Ладно, согласен – юмор у Siri специфический. Видно разработчики не учли, что у людей действительно могут возникать подобные проблемы, всякое в жизни случается. На мой же вопрос, Siri уклончиво ответила: «Это вредно для здоровья». Глупая. Жить вообще вредно, особенно некоторым.

Воспоминания последних дней снова накатывают, я сжимаю надпись «Курение убивает», и с силой трясую пачку. Сигареты рассыпаются по полу, а одна приземляется точно мне в руку. Та самая. Ну что же, закурим праздничную за тех, кто собирается нас покинуть. Облако дыма застряло в горле, послушно ожидая выдоха.

Роза

Понедельник, 19 июня, утро

Ну что, Розочка, доигралась? Шикарное свидание! Ши-кар-дос. Сколько я уже лежу здесь? Верчу головой во все стороны, но тут настолько темно, что я не вижу собственных ног! Рот завязан моим же шарфом, плотно, видимо пока я спала, он пропитался слюной, и теперь это остывшее, мокрое пятно неприятно морозит губы. Как же здесь холодно! Я стучу, скребу каблуком по полу – твердо, глухо, похоже на бетон. Он что, привез меня в гараж? Не очень-то изысканно. Я по-другому представляла свидание, стоимостью пару миллионов. Хотя, признаться, есть в этом что-то пикантное. Приковал моими же наручниками... Как-то нашел еще, в сумке моей рылся, затейник! Руки заломлены за спину, пытаюсь пошевелить озябшими пальцами, нащупываю то ли крюк, то ли вентиль на холодной, железной палке. Труба – он прицепил меня к трубе! Откуда в гараже труба?

Проходит минут десять, или даже больше, но вокруг не меняется ровным счетом ничего. Темнота. Тишина. Холодина. И сколько мне придется ждать его? Мы так не договаривались. В тонком свитере, в пальто на ледяном бетонном полу... Черт. Чем дольше жду, тем чаще накатывает паника. Зачем он оставил меня тут, зачем приковал – зачем все это?

Вдох. И длинный выдох. Вдох. Выдох. Как там говорят инста-гуру? «В критических ситуациях нужно глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть до конца. Это дает мозгу кислород, и он перестает паниковать». Не знаю насчет паники, кажется, вранье. Но это помогает немного согреться – уже что-то. Теплый шарф плотно облегает губы, так что при выдохе горячий воздух спасительно согревает лицо и шею. Я дышу сильнее. «В состоянии стресса важно оглянуться, успокоиться, постараться радоваться мелочам». Ну что же. Я сижу на бетоне в абсолютной темноте, прикованная наручниками к трубе и об этом не знает ни единая душа. Поводов обрадоваться масса.

Стоп. Хватит, Розка. Расслабься. Как сказал бы сейчас Мот, «давай рассуждать логически». Что я помню: он написал, что сам приедет за мной. Машина приехала, черный фольксваген – я в нее села. За натянутой маской лица не было видно. Он заткнул мне рот вонючей тряпкой. Туман. И вот я здесь. Что это даёт? Ничего. Возвращаемся к началу. Он позвонил мне. Телефон. Со мной было два телефона. Один кнопочная мыльница, купила специально для аукциона – лежал в кармане пальто. В какой-то дикой асане я пытаюсь нащупать телефон ногой – там, где приблизительно должны быть карманы, и судя по всему, сейчас они пусты. А мой личный до сих пор висит на шнурке, под свитером. Зря Мот смеялся, телефон на шнурке совсем не то же самое, что варежки на резинке. Хотя... может и они когда-нибудь кого-то спасли.

Но, Роз, ты опять накручиваешь. Что, если он устроил для тебя квест? Типа «спастись за 60 секунд». Хотя, конечно, такому тормозу как ты и часа не хватит. Но ведь неплохо завернул, мужчина с фантазией: похищение, этот гараж, наручники – остается лишь подыграть ему! Чего тебе стоит? У всех свои заморочки, может такая игра его заводит?

Я тыкаю коленом в телефон, но никак не получается попасть в эту единственную кнопку. Вот тебе и айфон! Не факт, что он вообще не разрядился, а даже если и так, то попробуй-ка позвонить с него совсем без помощи рук. Стив, кажется, это новый вызов для тебя? Классная вышла бы кампания, а-ля для людей с ограниченными возможностями – социалка, все дела... Нет, коленом не получится. Может попробовать этот выступ на трубе? Я разворачиваюсь к ней лицом, вывернув руки. Но нет, телефон висит под грудью, слишком низко, чтобы дотянуться им до вентиля. Нужно подтянуть его выше, к шее.

Вот уже с полчаса (а может меньше или больше, почему-то в темноте время совсем не ощущается) я сижу в позе креветки, пытаюсь подкинуть телефон с живота на шею. И всякий раз он предательски съезжает вниз. Но вариантов немного, поэтому буду пробовать снова, и снова. Я подкидываю телефон животом, и он с размаха шлепается на солнечное сплетение, или куда-нибудь выше, на ключицы, шею. Особенно больно, когда приземляется углом, или чего хуже – пауэрбанком. Наконец, удастся подкинуть телефон достаточно, но он снова начинает съезжать. Зараза, стой... Я вся сжимаюсь и... ловлю телефон между грудой, боком. Джекпот! Если бы Оскара давали за самую пошлую игру, я бы взяла два – для каждой моей актрисы.

Все же он зажат боком. Я вожу корпусом телефона по вентилю в поиске кнопок прибавления звука. На нижнюю, «убавление» Мот запрограммировал выход в прямой эфир Инстаграм, чтобы я успевала «словить любой момент своей увлекательной жизни» специально для подписчиков. Матвей – мой персональный Бог... Без понятия как он все сделал, раньше я не задавалась этим вопросом. Мот подключил много прикольных штук, и обучил меня всему, что я знаю касательно техники. Черт, он как будто специально меня готовил на такой вот случай.

Итак, нужно нажать эту кнопку, чтобы выйти в эфир, и нажать повторно, чтобы выйти из него, запись при этом сохранится в доступе. Идея выйти в эфир отсюда конечно выглядит по-идиотски, но нужно пробовать хоть что-то. Пару раз уже получалось нажать кнопку, и свитер светился. Ярко, ярче, чем просто экран – скорее всего, включилась кольцевая лампа. А значит телефон не разряжен. Спустя пару минут мучений, он коротко отвибрировал, – пытается выйти в эфир. Вдох. Вдох. Ловит ли здесь сеть, удалось ли подключиться – не знаю. Но нужно что-то говорить, иначе экран потухнет. Рот крепко завязан, я пытаюсь что-то сказать, но горло пересохло, и выходит лишь размазанный всхлип. Я пытаюсь проораться – да, вроде стало легче.

– Меня украли! – черт, с завязанным ртом получается полумычание, и слишком тихо, я повторяю криком – Меня украли! Звоните в полицию. Шварца 3, девять часов, черный фольксваген, – подсветка померкла вдвое, значит, скоро потухнет совсем. Я пытаюсь прикоснуться к экрану свитером, но телефон еще чуть проваливается. Нет, нужно снова нажать кнопку отключения, иначе эфир не сохранится и его никто не увидит. А значит все зря. Со светом, пусть и тусклым, найти вентиль уже гораздо легче. Это действительно вентиль на железной трубе. Так я в подвале? Удастся нажать кнопку отключения, кажется за секунду до того, как экран бы потух. Вот и всё... Я плюхаюсь на задницу, в кончиках пальцев бьет пульс, в темноте его стало будто бы слышно. Я разворачиваюсь обратно, спиной к трубе, ослабив натяжение наручников. Кровь приливает к онемевшим пальцам, отчего их тут же протыкают сотни невидимых иголок. Ух...

Итак, возможно я вышла в прямой эфир. Интересно, утро сейчас или вечер? Лучше бы вечер, вечерние эфиры смотрит больше народа. А значит выше вероятность, что кто-то обратится в полицию, или хотя бы свяжется с... С кем? С теткой? Ну, хотя бы с ней. Впрочем, тетка наверно вздохнула бы с облегчением, укради меня кто-нибудь – минус одна проблема в ее жизни. Бабушка конечно в спутанном сознании, после недавнего инсульта... Но она всё ещё есть, и тётя Тамара обязана будет начать мои поиски. Но что если ни в какой эфир я не вышла?

С каждой секундой моя уверенность, что выйти в эфир все-таки получилось, стремительно тает. С чего я взяла, что телефон подключился верно? Что тут есть сеть? И я не кричала в пустой экран. Даже если вышла в эфир, какова вероятность, что его посмотрят? Ладно, уж вероятность этого, с моей популярностью в Инстаграм, просто огромная. Эфир обязательно посмотрят. Но кто? Увидит ли его Матвей, или Софа? Или кто-то из одноклассников хотя бы? А если увидят, то не воспримут ли это как шутку или эпатаж для пиара... Все возможно. Призыв «звонить в полицию», потому что «меня украли» действительно выглядит как прикол. Да и где я вообще? В подвале? В гараже? Кто будет меня искать? Боже, я опять паникую! Но что, если это никакое не свидание, что, если мне давно нужно было спастись, а я только шутки

шучу... Нужно подстраховаться: Матвей, на него вся надежда. Черт! Эфир он точно посмотреть не сможет, учитывая, что я сама же заблокировала его накануне.

Нужно отправить голосовое сообщение Матвею, пока телефон работает. Нужно умудриться подкинуть его на грудь вверх экраном. Оббитые клавиши ноют в ответ на перспективу снова ловить телефон. Да и руки только-только отошли. Но что делать – нужно пробовать, пока есть возможность. В этот раз, видимо после тренировок, удастся поймать его быстро, и я зажимаю-таки эту чертову кнопку. Что есть мочи, максимально четко, насколько это можно сделать с завязанным ртом, ору: «Siri, отправить сообщение – меня украли!». Я хочу продолжить «...черный фольксваген, девять часов», но запинаясь, а услужливая Siri уже щебечет.

– Кому отправить это сообщение? – все, возможности отредактировать нет, нужно срочно сказать имя в записной книжке, иначе придется снова искать кнопкой вентиль...

– Ма...ма...Матвей! – нога от напряжения дергается, и телефон соскальзывает обратно на живот. «Черт, черт!» – проносится в голове, Siri распознает только четкие слова, сейчас скажет «пользователь не найден». Но Siri тут же продолжает.

–Отправить?

–Да!

–Сообщение отправлено.

Ох, ну слава прогрессу! Если дела мои действительно плохи, то хотя бы Матвей будет в курсе. И пусть наша дружба последнее время дает трещину, он будет искать меня в любом случае, он найдет меня. Ну, не раскисай, Розка, не нагнетай! Это всего лишь чья-то глупая шутка. Забей.

Мать

Понедельник, 19 июня, утро

Сегодняшний день станет необычным. Эта мысль сидит где-то в животе, и тихонечко тянет за собой мышцы в самом его низу, что в целом походило бы на ПМС, если бы... Если бы мой организм еще был способен к циклам. Глаза немного отекли, так что комфортнее было бы держать их закрытыми. И это тоже считается предвестником цикла. Но это точно не он. К сожалению, а может и к счастью...

Вроде бы все в комнате выглядит привычным: на будильнике четыре утра, выцветшие обои, мое верблюжье, тяжелое одеяло. Я зарываюсь в него поглубже, еще пара минут в нагретой кровати ничего не изменят. Да, с закрытыми глазами куда комфортнее. Впрочем, я вполне могла бы не открывать их, выполнять утренние дела наощупь – в этой однушке на пятом этаже я знаю наизусть все выступы и трещинки. Как там пела Земфира: «...Я помню все твои трещинки...» – вот это как раз про мою квартиру. В коридоре скрипит четвертая, если считать от двери, ламинатина. Сделать петлю на кухню – шелкнуть чайник. Смеситель в ванной переключает воду по своему усмотрению – да, давно нужно бы починить. Некому. Две ложки сахара, одна кофе. Все, как и в любой другой день, пять лет подряд. Нужно собираться на работу. Я проглатываю невидимую но-шпу, чем в общем-то заглушаю этот внезапный приступ «пмс». Вливаю в себя кофе, надеваю рабочий комбинезон и бреду в парк, своей излюбленной тропкой, по которой хожу, кажется, только я одна.

Я люблю этот путь в городской парк. От моего дома до сюда пешком всего минут пятнадцать. Но самое привлекательное в этой дороге – вероятность кого-нибудь встретить здесь близится к нулю. Я иду на работу рано утром, когда большинство людей еще спят, и возвращаюсь днем, когда все еще работают. Мало кто бывает здесь даже в часы пик. Поэтому мы расходимся как во времени, так и в пространстве. Меня это более чем устраивает. Я захожу с обратной стороны парка, через старую калитку и мост. Это довольно старый мост, его отстроили где-то в семидесятые, еще до моего рождения. Но калитку поставили гораздо позже, при реставрации. А на моей детской памяти, это были последние годы советского союза, здесь царил хаос: гора битых пивных бутылок, разлагающиеся мешки и покореженный забор. Ребятами мы пролазили между его прутьев, чтобы покормить уток – сейчас таким образом пролезет разве что моя рука, ну возможно нога, хотя не рискну проверить.

Каждое утро, как и сейчас, проходя через мост, я ловлю на коже искры света от восходящего солнца. Если бы вы шли сейчас рядом со мной, ваше лицо скрыла бы от солнца листва берез, растущих на берегу реки. Свет тут падает не прямо, а как бы всплесками или полутенью. Ежедневно проходя здесь, я мысленно говорю спасибо березам за эту деликатность: не приходится стыдиться всякий раз, как лучи солнца прожектором упадут на мое оплывшее лицо, вырезав позором каждый его изъясн.

Я люблю одиночество, а точнее за десять – пятнадцать лет я к нему привыкла. Работаю в парке садовником, в летнее время. Высаживаю и облагораживаю все растения здесь. Пусть это не очень престижная работа, но мне ли выбирать? Да и люблю это место очень: тут прошло детство и юность, и детство дочки... Моей малышки... Мы давным-давно перестали видеться, увы. Но всякий раз, как вот сейчас, дотрагиваясь до розовых кустов в парке, я как будто общаюсь с ней маленькой. Сквозь годы. Да что скрывать, я всегда разговариваю с моими кустами вслух. Благо никому из посетителей парка или руководства нет дела до угрюмой тетки в грязном комбинезоне, которая что-то нашептывает себе под нос. Меня это устраивает.

Сегодня моя задача убрать с розовых кустов пустые побеги. И я беспощадно отстригаю листву ниже того места, на котором точка роста прекратила свое развитие. По виду омертвевшего побега можно определить, что с ним произошло: он мог замерзнуть, сгореть, либо не хватило питания, либо его съели какие-нибудь вредители, долгоносик, например. Внешне побег выглядит как засохший или увядший зародыш, на котором нет ни бутонов, ни почек. Он может быть окружен листьями, но они также будут вялыми. Потому что этот побег забирает питательные вещества впустую, но не растет, и вся ветка перестает правильно функционировать. У этих ветвей нет будущего. Они не принесут цветов. Поэтому, пустые побеги нужно вовремя отрезать, чтобы перспективные ветви могли развиваться в полную силу. В каком-то смысле я сама – пустой побег.

Ну вот, остаток дня я проведу в воспоминаниях, снова и снова прокручивая несказанные слова, несделанные действия... В кармане закричал телефон. Смс в шесть утра. Шарлатанская почта? Спам-рассыльщики уже проснулись. Посмотрим, что вы хотите, господа.

На дисплее моего старого кнопочного телефона высвечивается нечто странное: «У меня украли». Не поняла. Пробежала глазами еще раз, но ничего не добавилось. «У меня украли». И все на этом. Что украли, и главное – у кого? Отправитель какой-то неизвестный номер. Номер вроде бы обычный, на него можно позвонить. Я записываю номер отправителя в блокнот, и затем набираю его. Вообще перезванивать можно в пару нажатий, но честно говоря, лень в этом разбираться. В голове промелькнуло, а вдруг это новый вид мошенников, которым позвонишь, а они в ответ спишут с тебя энное количество денег, или начнут разводить по телефону. Но гудки идут, а отвечать мне никто не спешит. Я прибавляю звук и кладу телефон обратно. Если нужно – перезвонят.

Теперь сосредоточиться на кустах стало сложновато. Почему написали мне? Номер отправителя совершенно не знакомый. Свою книжку контактов я знаю наизусть. В ней всего номеров десять, не больше. Этот номер явно новый, а я обычно не перезваниваю на незнакомые номера. Впрочем, они мне и не звонят. Возможно, у кого-то из моих контактов украли телефон, и он решил предупредить о новом номере. Но почему не дописал слово «телефон»? Забыл? Не успел? Смс не могла обрезаться, еще одно слово, любой длины, вошло бы бесплатно. Хотя больше всего это походит на ошибку. Возможно это чей-то ребенок, и у него украли телефон, поэтому он второпях написал смс маме с чужого, и оно по ошибке попало ко мне. Тогда почему же так рано? Межгород?

В любом случае, лучше дозвониться до отправителя, кем бы он ни был. Я набираю неизвестный номер снова, но в этот раз он уже отключен. Прошло каких-то пара минут. Сел телефон? Но если человеку нужна помощь, и он видит, что телефон садится, то почему не ответил, когда я звонила в прошлый раз? Он не планировал разговаривать, а хотел просто предупредить о проблеме? Да! Ведь это может быть Надежда, второй садовник, что сменяет меня. У Нади серьезные проблемы со спиной, и ее часто «скрючивает», из-за чего просит заменить ее на пару дней, пока спину не отпустит. Но обычно она просто звонит, а не скрывается таким странным способом. Зачем ей это? Я выбрала нужный номер в справочнике, идут гудки – телефон на связи. Последнее время Надя болеет чуть ли не каждый месяц, но увольняться даже не думает. Мне неудобно работать без выходных, но ее можно понять – у Нади старенькая мама, они живут вдвоем. Покупка нового телефона для нее будет неприятной тратой. Я уже хотела отключиться, но Надя вдруг прошептала в трубку:

- Да?
- Наденька, все в порядке?
- Да, а что?
- Ты не писала мне?
- Нет. Я сплю. Саша, что-то случилось?

– Ничего, извини что разбудила. Пока, – как глупо получилось. Это не Надя. Остальным контактам в справочнике незачем было бы предупреждать меня о потере телефона. Разве что Олег... Но мы не общались больше года, после того как... его жена... проводила меня, крича с балкона «потаскуха! алкашка!» на весь двор. Потаскуха... Кто еще из нас – большой вопрос. Зачем бы ему писать мне сейчас?

Я пытаюсь вдеть пальцы в рабочие перчатки, но руки не слушаются – сегодня все идет не так! Я кидаю их и сажусь на лавку. Уже пару лет у меня дрожат руки, особенно когда нервничаю, или немного отекаю, как сегодня – это особенно заметно. Говорят, это может быть симптомом серьезных болезней, типа Альцгеймера или склероза, но мне не хочется об этом думать. Не хочу даже начинать об этом думать, чтобы не прийти, в конечном счете, к выводу «мне ведь все равно». Неприятно само по себе. Еще неприятнее, что это не волнует никого, кроме меня.

Ладно. Нет времени просиживать штаны – нужно закончить этот куст. Причесанный наполовину, он выглядит ущербно. «Нужно все делать по-максимуму, до конца. Если берешься за дело – доведи до результата. Максимально идеально – форма всегда должна быть завершенной, иначе все пустое...», – при мысли об Олеге, автоматически всплыл мамин голос. Она всегда учила меня заканчивать начатое. Не сказать, что научила, но усердно пыталась. Будь она сейчас в парке, обязательно бы достригла эти кусты, прежде чем сесть отдыхать. Мама всегда получала результат.

Уколов себя сама, я поднимаюсь со скамьи и продолжаю обстригать ненужные ветки. Олег. Может он написал мне случайно? В его справочнике я, скорее всего, рядом с ней. Хотя, смотря как она записана. Роза? Или жена? Дочка наверно записана как «дочь», а ее он, скорее всего, записал Розой. Значит, мы стоим рядом, возможно даже друг под другом – вряд ли между Розой и Сашей могло затесаться еще чье-нибудь имя. Ткнул мимо? В шесть утра, спросонья. Олег всегда просыпался рано. Нужно набрать ему. Что скажу? «Кто-то прислал мне странное смс». Он ответит, что не знает, и почему я вообще подумала на него. Как будто больше некому. Больше некому...

Лучше дойти до его отделения, сегодня понедельник, он работает с девяти. Ведь даже если это не он, то кому-то возможно нужна помощь, с этим можно обратиться в полицию. Куда еще? Это вполне логично. До девяти еще полтора часа. Можно успеть переодеться, причесаться... Но с чего бы это я стала прихорашиваться, будто заранее готовясь к встрече? С другой стороны, нехорошо будет прийти в участок в грязном комбинезоне. Хотя так он поймет, что дело срочное, и я не ищу встречи. Ох. Снова мамин голос в моей голове. Лучше будет закончить подстригать этот ряд, тогда вся входная аллея будет завершена. Ладно, получу результат здесь, затем займемся смсками.

Матвей

Понедельник, 19 июня, утро

– То есть она уехала на море? Вы уверены? Вроде не собиралась...

– Матвей, у меня только появилась сеть, я возвращаюсь в город. Ездила в область, к подруге на юбилей – скоро буду дома. Честно, не набирала. Но в пятницу, я еще была дома, она собирала вещи. Вроде бы планировала ехать с Софьей, позвони ей или зайди, вы же рядышком живете... Или набери Егору Александровичу, он наверно провожал Розу.

– Ладно, мне не срочно, просто у меня был выключен телефон, пропустил звонки – хотел узнать, как дела у Розы.

– Ясно, ну давай, до встречи, Матвей?

Тамара Алексеевна явно спешила отвязаться от меня. Наверно едет по трассе, вцепившись в руль как зомби. Некогда ей. Она уверена, что Роза уехала на море с Софой. Баян. Посмотрим, что Софа думает на этот счет.

Я стучу телефоном по батарее, и через минуту получаю ответ. Наша старая соседская игра. Софа дома и уже проснулась. Я поднимаюсь на этаж выше, дверной глазок то темнеет, то светлеет. Софа стоит за дверью, поджидая, но открывает только спустя минуту. А-ля «я совсем не ждала гостей». Сейчас будет зевать и потягиваться, будто только вылезла с кровати.

– Матвей, ты рано – она встала посреди прохода, не оставляя места, чтобы я мог войти. С самого утра Софа ярко покрашена и с какими-то офигительно пахнущими волосами. На фоне огромной толстовки а-ля «брат дал потаскаться», этот раскрас выделяется особенно. Прямо за ней на кровати лежит белый чехол, наверное, с платьем.

– Ты выглядишь... особенно, – я еле подобрал слово, потому что нельзя сказать «выглядишь классно», ибо «она же выглядит классно всегда? или только сегодня, а обычно-то как уродка хожу». Но и просто спросить, куда она собралась тоже нелогично, ведь нужно оценить многочасовые старания. Короче, парнем быть куда легче – это факт.

– Спасибо, у меня фотосессия с Маратом. Тем самым, да. Буду позировать на его мастер-классе. А за макияж спасибо. Чья работа угадаешь? – Софа смотрит в зеркало и зависает в нем. Такая «типичная... нимфа». Во время разговора выпадает куда-то внутрь себя на пару секунд или минут, как вот сейчас. И хотя это выглядит симпатично, я бы и сам ее пощелкал на фото в эти моменты, сейчас мне хочется щелкать только пальцами. Камон, Соф, я здесь! Ладно, она никогда не улетает слишком надолго, скоро вернется.

Марат. Он, наверное, самый богемный фотограф из всех, кого я знаю, да и график мастер-классов по городам у него расписан на год вперед. Как Софа попала к нему? Как собиралась ехать с Розой? Отменить фотосессию с самим Маратом? Оплаченный мейк? Да не верю.

– Слушай, я не мог дозвониться до Зары. Звонил ее тетке Тамаре, она сказала, мол, вы собирались ехать на море в выходные. Ты не поехала? Что случилось? – я делаю попытку вытянуть Софу из забвенья. И, слава небесам, она очухивается.

– Зара уехала одна. Мы разошлись во взглядах на отдых, – Софа чуть задрала нос. Что значит сия ссора? Забавно.

– Ну, то есть вы собирались ехать вместе, потом поссорились, и она поехала одна, а ты осталась дома. Так?

– Не совсем. Мне кажется, Зара изначально хотела ехать одна, и вывела меня на какой-то высосанный конфликт. Мы даже не ссорились, просто желание ехать вместе исчезло. Я чувствовала, что ей стало некомфортно вместе, и отпустила ее. Может, зря? – Софа будто спрашивает взглядом «а зря или не зря?», но, так и не дождавшись от меня ответа, разъясняет –

Не нужно делать что-то по принуждению, или потому что так принято. Тем более отдыхать. Нужно слышать свои потребности. Если хочешь побыть один – побудь. Это залог здорового общения двух творческих личностей. Понимаешь?

– Допустим. Соф, но как ты планировала ехать, зная о своей записи на фотосет сегодня? Ты заранее понимала, что не поедешь с Зарой? Никогда не поверю, что ты отказалась бы от сета с самим Маратом. Да и мейк твой... Кстати, он потрясный, – я замечаю смущение и легкий испуг на лице Софы. Конечно, она знала. И врала мне. Весь вопрос зачем? Впрочем, я на правильном пути, продолжу давить на совесть, – Софья, ты обманываешь меня? Что случилось с...нами. Мы больше не можем доверять друг другу? – еще одно слово и меня разорвет от пошлоты. Но я честно-честно стараюсь «держать атмосферу». Софа будто чем-то напугана или сомневается, стоит ли мне рассказывать. А может она видела или слышала тогда... Она вполне могла...

– Нет, Матвей. Я ничего об этом не знаю. Зара уехала, я осталась. Больше ничего сказать не могу. Если ты волнуешься, что она там развлекается... Это бред. Ты же ее знаешь. Она выйдет в эфир сразу по приезду, если еще не вышла. Ну, или придумывает, что вы будете снимать в следующий раз. Ведь он же когда-то будет? – Софа улыбается, без злости, без ревности, скорее вопросительно, и немного испуганно. Но это неточно. Её настроение меняется со скоростью света. Но во взгляде явно повис вопрос. «Когда-то будет?». Что за намеки?! Я начинаю злиться – этот допрос придется прекратить.

– Ладно, Софа. Я тебя понял. Зайду в другой раз, – я разворачиваюсь и бегу вниз по пролету. Овца. Что она видела? Что будет делать? Позвонит Заре проверить ее? Черт. Теперь я никогда не узнаю.

Внезапно Софа окликает:

– Матвей! Можешь помочь мне в одном деле? Завтра или в среду... Я бы набрала тебе.

– Конечно. Звони, – я не оборачиваюсь, специально, чтобы не видеть ее взгляда. Вопросительного? Подозрительного? Впрочем... Моего лица ты не увидишь. Без разницы, что ты там думаешь – ничего не докажешь. Было и было. Насрать.

Нужно зайти к Заре и узнать, как обстоят дела наверху, а там посмотрим.

МАТЬ

Понедельник, 19 июня, утро

Конечно, никакие кусты я не достригла. А вы бы смогли? Спокойно обрезать ветки, зная, что кому-то возможно нужна помощь. Ребенку, например. Что-то украли у него. Телефон. Может он сам потерялся. Да что угодно могло произойти. Я остановилась за углом районного отделения полиции, где работает Олег – перечитать эту смс еще раз. Удостовериться, что это все мне не приснилось, у меня есть повод прийти сюда, или чтобы не ломиться прямо к открытию. Кто-то внутри меня никак не соглашался с этой незаконченностью фразы. Каких-то слов в ней не хватало. «Украли телефон» или «Мама...» – чего-то такого. Я не решила, стоит ли переодеться, а если да, то во что, поэтому пришла, в чем была.

– Привет, Саша! Какими судьбами? – он смотрит прямо мне в глаза. А я-то думала, почему на входе не спросили моих документов, не просили ждать, а сразу направили в кабинет. Олег не был начальником отделения, но свой кабинет у него есть, и уже давно, по выслуге лет, наверное. Он здесь самый опытный следователь, и сейчас он явно меня ждет, – Что случилось? Я заметил тебя в окно.

Дура. Встала прямо напротив его кабинета. А ведь прекрасно знала, где он находится. Каких-то десять лет назад я приходила сюда ежедневно, как на службу. И вставала в это же самое место. И смотрела. Десять лет назад... Я отряхиваю комбинезон от воображаемой грязи, приглаживая складки на животе, честно говоря, я просто сомневаюсь, не зная с чего начать разговор.

– Да, Олег, я ненадолго. Мне пришло странное смс, с незнакомого номера, и я вот, сразу пришла, как смогла...

– Кто-то угрожает? Что за смс?

– Нет, ничего такого...

– Ну так может ошибся кто-то? В чем проблема? – в эту секунду позади глухого стола он уже начал дрыгать ногой. Плохое начало. Я протягиваю телефон, и, прочитав смску, Олег сглотнул, – Ну, допустим. Ты звонила по этому номеру?

– Да, я позвонила сразу – никто не взял трубку. Через пару минут позвонила снова, но телефон стал не доступен. Понимаешь, это ведь странно так писать «у меня украли». Украли что? Как будто отправитель просит что-то сделать, или предупреждает. Даже если это пришло по ошибке, я подумала, скорее всего, это отправляли не мне – человеку требуется помощь. Это может быть чей-то ребенок, например. Обокрали на улице, мало ли... Давай наберу еще раз, проверим...

И тут Олег резко встает и направляется ко мне, постукивая телефоном по ладони. Он всегда двигался энергично и резковато, но сейчас я все же немного напряглась. Он неотрывно смотрит мне в глаза, будто следит за мной. Это странно. Он теребит уголки рта, и, наконец, продолжает разговор.

– Не нагнетай. Вот что. Я перешлю эту смс себе, и постараюсь разобраться в чем там дело. Позже тебе позвоню, как выясню. У меня есть пара мыслей, что можно сделать. А отсюда, – он помахал моим телефоном, – удаляю. Если ты не против, для твоего же спокойствия... – я не успела открыть рот, как он уже протягивает телефон обратно. Олег даже не предложил мне выбор. Вручил трубку и уселся обратно, делая вид, что на экране компьютера появилось нечто очень важное.

– Олег, ты не забудешь? – мне хочется поймать его взгляд, но он будто специально не поднимает лица. Ему неловко. И для этого есть одна, очень веская причина. – Олег, тебе знаком этот номер? – я выстреливаю наверняка.

– Нет, – ему больше нечего добавить, в доказательство он уставился на меня своим фирменным «непробиваемым» взглядом.

Я знаю этот его взгляд. Он не означает ничего хорошего. Для меня. Невозможно определить, что Олег чувствует, о чем думает, когда так смотрит. Он как будто выставляет щит, а что прячет под ним – неизвестно. Но что-то под ним точно есть, иначе какой смысл защищаться? Я выхожу из отделения, в этот раз встаю подальше от окна Олега, и набираю сестру. Занято. Предсказуемо. Я набираю снова, минутой позже, Тамара отвечает с первого гудка. Я тараторю, не давая ей времени подумать.

– Тома, здравствуй! Олег дозвонился до тебя? Вот должен был набрать. Да? Поняла. Вот сейчас звонил? Ты дома? Ясно. Ничего, – пришлось отключиться раньше, чем отключилась бы Тамара. У нас с ней своего рода состязание «кто положит трубку раньше», обычно сестра лидирует. Но не сегодня. Олег позвонил ей сразу после моего ухода. Как часто он это делает? Раз в год? В месяц? Он позвонил ей после моей смс. Он узнал номер. Живот вновь схватило утренним спазмом. Значит, мне действительно написала дочь. Моя Роза. У нее что-то украли. Я достала из кармана блокнот с номером и заново вбила в память телефона. Я звоню ей. Трубка трясется, дергая за собой серьгу колечком. Но гудков нет. Абонент не доступен. А я ловлю приступ тошноты, и пару острых ударов в боку. Да что же это творится! Нужно доехать до сестры прежде, чем это сделает Олег.

Моя девочка, ты вспомнила обо мне.

Роза

Понедельник, 19 июня, утро

Еще чуть ниже голову, вот так, и... да, шнурок соскальзывает с моей головы на вентиль, я ловко подцепляю телефон рукой. Сенсор отходит, после той вечеринки у Макса дома, и я несколько раз провожу пальцем по экрану, прежде чем удастся, наконец, войти в меню вызовов. Внезапный шорох в темноте, лязгает металл – ключ скрипит в скважине! Я успеваю отключить телефон, и наощупь сунуть его в туфлю.

Дверь на долю секунды распахивается, пропуская внутрь яркий свет с улицы, но высокий человек в маске – это все, что успеваю рассмотреть – тут же закрывает ее на ключ. Шаги, он идет ко мне. Резкий свет фонаря, мгновение, и мою бровь как ножом рассекает горячая, острая боль. Размах – следом прилетает пощечина. Я только испуганно вздыхаю – даже не успеваю выдохнуть. Еще одна, и еще. Я пытаюсь увернуться, но удар догоняет в затылок. Он наваливается на меня всем своим весом, и я падаю на спину, повисаю на руках, намертво прикованных к трубе – наручники врезаются в запястья. А он уже сжимает рукой горло, сдавливает так крепко, что я лишь хриплю, задыхаясь. Я отчаянно дергаюсь на полу, скулю, как мелкая собачонка, он только сильнее впивается пальцами. Лапает свободной рукой мое тело: распахивает пальто, залазит под юбку, задирает свитер, хватает за грудь. Он трется, ложится сверху, придавливая меня к земле своим огромным, тяжелым телом, натягивая цепь наручников. В исступлении он чуть ослабляет хватку, и я жадно вдыхаю воздух. Секунда, он вдруг кусает за шею, впивается зубами, как животное, сосет мою кожу. Я мычу от боли, и он срывает шарф с моего рта, вставляет туда палец, водит внутри, словно ершиком.

Закидывает мои ноги на себя, резко, а я пытаюсь удержать телефон в туфле. Моя последняя надежда здесь – нельзя, ни в коем случае нельзя выронить. Его палец у меня во рту, и я стараюсь дышать носом, ровнее, успокоиться, переждать, но он больно кусает шею, грудь, живот, он растягивает свитер, а его рука уже шерудит под юбкой. Господи, неужели... это закончится вот так... в грязном гараже, в полной темноте... Я лежу спокойно, послушно, и слезы текут щекам, я только сейчас понимаю – это происходит наяву, со мной.

Высовывает палец из моего рта, и я вздыхаю, но он уже вставляет туда свой язык. Мягкий, толстый, огромный – просовывает в самые железы так, что я захлебываюсь его тухлой, как пожеванный «Орбит», слюной. Он вталкивает язык еще глубже, как вдруг меня сковывает в судороге, не успеваю увернуться – меня выворачивает кислой кашей прямо ему в рот. Он отглаткивает меня, сплевывает в темноте.

– Простите, простите, я не хотела, – я шепчу как заклинания, но отхаркавшись, он размахивается, врезает мне кулаком по лбу. Пластмассовый хруст. Я ударяюсь затылком о вентиль, и замираю, осторожно поджав ногу с телефоном в туфле под полы пальто. Падая, я все же наступила пяткой на кнопку, и экран засветился. Ярко, будто прожектор в такой кромешной тьме, но я тут же сажусь на него, заглушив свет. Я вся сжимаюсь, молюсь, чтобы он только не заметил это, не подходил ко мне больше, и, кажется, Бог услышал меня – дверь сверкнула, он выпрыгнул на улицу. Лязг железа, тишина...

Никогда еще темнота не была такой удушающе плотной: я будто чувствую холодный воздух каждой своей раной, я будто разодрана – снаружи, внутри. Сколько прошло – час? Два? Три? Я лишь смотрю перед собой, в темноту, не двигаюсь, даже не дышу. Как бы я хотела раствориться в ней, чтобы никто не смог дотронуться, никто не нашел, не искал меня больше...

Подсвечивая ногу, словно кожаный абажур, телефон снова мигает в темноте – он как маяк возвращает меня в реальность. Входящий звонок. Стиснув зубы, я подтягиваю ногу к

наручникам – да, телефон в моих руках. Трещина во весь экран. Звонок от Матвея. Он получил смс. Я провожу пальцем по экрану, еще, и еще раз – не работает. Звонок обрывается и свет потухает. Я нажимаю на эту единственную кнопку, и... ничего. Матвей звонит снова, мигают гудки, а я могу лишь следить глазами. Черт возьми! Я трясущим телефон, стучу им об колено, и снова пробую пальцем сенсор, вжимаю кнопку – все зря. Экран полетел. Тьфу ты, вот же отстой! Это была моя последняя надежда, почему он сломался именно сейчас? Почему, Бог?! Слезы разъедают глаза, и я уже не пытаюсь их сдерживать. Почему, почему это происходит со мной?! За что?!

Я сжимаю чертов телефон, еще немного, и его корпус треснет в моей руке. Глупая, бесполезная коробочка! Я размахиваюсь, чтобы трахнуть его об стену, как вдруг экран загорается – боковая кнопка осталась рабочей! Колесико крутится, долгие секунды ожидания, кажется, уже прошла целая вечность... И вот зажигается фронтальная лампа, а на экране, наконец, появляется мое лицо: сплошь покрытое красными пятнами, опухшее, с подтеками крови. «Вы в прямом эфире!».

Матвей

Понедельник, 19 июня, день

Куча вопросов и ни одного ответа. Я сбавляю скорость, открываю форточку и закуриваю, пытаюсь привести в порядок мысли. Зара действительно собиралась на море с Софой? И укатила бы, вот так, втихомолку? Почему я об этом не был в курсе? Черт возьми! Мало получила, скотина... Ничего, я добавлю тебе в следующий раз...

Что странно – за все выходные Зара не запостила ни одной фотки, не было эфиров, даже сториз – ничего. Более того – она закрыла профиль. Неужели реально думала перекрыться?

Заехал по пути к отцу Зары, проверить, что он думает об этом её «отпуске». Олега на месте не оказалось, и как сказал Леха, тот вышел куда-то, а куда не сказал. Леха мой бывший одноклассник, учились до девятого вместе. Теперь он вроде в школе милиции, а здесь подрабатывает чем-то типа секретарши. Хороший парень, но немного воняет, ему бы подлечить зубы. Я попросил Леху набрать Олега, и сел напротив кабинета. Дверь кстати была открыта, так что скорей всего Олег вышел ненадолго. Где-то в конце коридора раздался мощный мужской ржач. Следаки развлекаются. Судя по звуку, их там человек пять, не меньше. Что в Олеге такого, что у него свой личный кабинет? Когда остальные мужики ютятся в общем, дальше по коридору? Свой кабинет здесь только у начальника отделения, и у Олега. Как сказала бы моя мама, «пусть каждый домыслит в меру своей испорченности».

Я заглянул в его кабинет, который честнее было назвать каморкой, размером с туалет. Ничем не примечательная комнатка: шкаф, стул, комп на столе. Хотя стол почему-то красный. Из красного дерева. Не сказать, что красивый, скорее просто старый. И неуместный. Могу поспорить, что в общем кабинете у мужиков столы как под копирку из дешевого ДСП бежевого цвета, ну как максимум венге из Икеи, а этот будто простоял тут лет пятьдесят. На столе между стопками бумаг разной высоты завибрировал телефон. А затем вернулся Леха и сказал, что Олег не отвечает. Леха начал спрашивать «что новенького, как там другие одноклассники...». Он цеплялся за разговор как мог, будто не хотел возвращаться обратно по накуренному коридору. Чем он тут занимается? Перебирает бумажки? Интересно, а он наливает чай этим мужикам, если они попросят? Так себе работа. Но вот он, похоже, вспомнил благодатную тему:

– А как там твоя Роза? Она же теперь типа «Зара». Видел в Инстаграм, вот это она раскрутилась! Классные фотки, это ведь ты ее фотографируешь? Круто получается. Че она по деньгам зарабатывает со своей странички? – «Че по деньгам». Это единственный вопрос, который волнует людей. «Че там по деньгам, стоит нет соваться?».

– Слушай, ну меньше Бузовой стопудово, – я решил спуститься на Лехин уровень с его словечками, – Я не знаю на самом деле, просто фоткаю. Не делится со мной. Позвони, спроси, потом мне расскажешь, – я пытался закончить разговор, но Леха продолжал дышать своими зловонными вопросами, пришлось сказать ему в лоб, – Лех, раз Олег еще не пришел, я посижу тут в коридоре, поработаю с телефона, ну?

Я подождал, пока Лехин затылок скроется за поворотом, и зашел в кабинет. У Олега кнопочный Самсунг. Кнопочный, Карл! Хотя скорей всего это рабочая трубка, в истории вызовов только неизвестные номера, ни одного имени. Я сфоткал, на всякий случай. В смсках тоже ничего интересного. «Опоздаю», «займешь мне 20 тыс.?»», «едем?». И все с непонятных номеров. Я положил трубку на прежнее место, мельком осмотрел стопки бумаг: постановления, приказы. Уже развернулся уходить, как на пороге образовался Олег. По его взгляду было неясно, сколько он здесь стоит. Я не нашел ничего лучше, как похлопать по карману куртки:

– Можно от вас позвонить? Здравствуйте! Мой телефон сел... – я отошел, пропуская Олега внутрь кабинета. Он о чем-то думал. А может, видел, как я копаюсь на его столе? Наверно следакам это не очень нравится.

– Здравсте. Позвони. Ты за этим пришел? – он сел и указывал на стационарный телефон, положив свой мобильник в карман. Похоже, видел что-то. Да насрать.

– Не совсем. Я не могу дозвониться до... – не успел даже закончить, как он резко перебил меня.

– И ты тоже? Слушай, что ты об этом знаешь? Куда она пропала?

– В каком смысле пропала? – закину-ка удочку. Олег сразу стал прошупывать, что мне известно, но я не совсем уж глупый, перевел стрелки, – Вроде бы она собиралась ехать на море, тетя Тамара так сказала. Вы разговаривали с ней?

– Но ведь это ты ее ищешь. Почему? Ты впервые не можешь дозвониться до нее? Что-то случилось? – Олег не унимался, но с чего он решил, что, поднажав на меня, получит правду-матку? Он всегда так работает?

– У нее телефон включен 24/7, она его из рук не выпускает. Вы видели ее Инстаграм? Он обновляется чаще, чем я моргаю. Все три сотни тысяч подписчиков знают, что она ела, во что одета и чем занимается. А тут она не отвечает сутки, сейчас вообще не доступна. Вы бы подумали это нормально? – тут я, конечно, увлекся, но ее инста действительно не дает мне покоя. Зачем она закрыла профиль? Надо глянуть дома повнимательнее.

Олег смутился и устался на телефон. Что-то задело его в моем вопросе. Когда он разговаривал с ней? И по какому поводу? Он потер подбородок:

– Инстаграма, как видишь, у меня нет. Не расстраиваюсь особо. Что-то с ней не так. Не уверен, что она поехала на море, и не уверен, что собиралась. Матвей, чем ты занимался эти дни? Когда вы виделись в последний раз? – он глядел мне прямо в зрачки. Будто проверял наркоша я, или глаза закапал. Проверяет меня? С чего бы это?

– Да нигде, дома был. Один. Всю субботу, и воскресенье тоже. Мы не общаемся временно. Я подумал, она поэтому динамит меня, но потом Роза отключилась, – тут Олег как-то оживился, подергиваться начал что ли.

– Почему ты говоришь про субботу? Она ведь уехала в пятницу? Так тебе сказала Тамара. Что ты делал в пятницу? – Олег напирал уже без всяких приличий, меня это взбесило.

– Да какая разница, что я делал в пятницу? Ничего особенного! Что это меняет? Я же сказал, мы не общаемся. Почему вы вообще спрашиваете? Что случилось? Мне нужно с ней поговорить, так же, как и вам. Что вы знаете, куда она уехала? – я не выдал ему ничего, но вроде он согласился, что мы заодно.

– Ладно. Сегодня она послала смс с текстом «У меня украли», в шесть утра. Это вся смс. Может обрезана. Все, что пришло. Послала матери.

– Матери?

– Да. Долго объяснять. Я хочу знать все, что ты знаешь об этом.

– Я... не знаю, чем могу помочь, но подумаю. И позвоню. А, да. Давайте запишу вам свой номер, звоните как что узнаете? Вот, – я пододвинул листок, и поспешил убраться, уже в коридоре вспомнив, что так и не позвонил с Олеговского телефона кому-то там. Я ведь за этим якобы пришел. Насрать. Что еще за смска? Матери? Она-то здесь откуда выпала? Может это из-за нее Роза так бесилась?

Роза

Понедельник, 19 июня, день

Мне удалось выйти в прямой эфир, снова. Впрочем, не уверена, что прошлый сохранился в сети, этот же точно доступен. Уже что-то. Правда, Матвей не сможет его увидеть, ведь я заблокировала его сразу после нашей ссоры, точнее, даже до нее... Впрочем, как всегда. Трансляцию видели куча народу, но судя по тому, как они веселились в комментариях: «Что за бред? Зара, не смешно», «лол», «покажи сиськи», «пиаришься?», – меня не воспринимают всерьез. Но на что я рассчитывала? Призыв «звонить в полицию», потому что «меня украли» действительно звучит как прикол. Но может хоть кого-то удивит мое в мясо разбитое лицо, кого-нибудь из постоянных подписчиков...

Должен же среди трехсот тысяч найтись хоть один адекватный человек? Кто-нибудь обязательно передаст эфир в полицию, и они найдут тот дом на Шварца, откуда меня забрали вчера вечером. Снимут записи с камер видеонаблюдения – должны же в этом мажорском дворе быть камеры? Опросят жильцов: кто-то обязательно видел, как я сажусь в черный фольксваген, ведь я даже вскрикнула, когда он набросил тряпку на лицо – не может быть, что этого никто не слышал! Меня найдут, обязательно – нужно верить, все будет хорошо. Глаза снова жжет от слез, особенно левый, уже заплывший от удара. Доигралась, Роза – сама виновата.

Я поднимаюсь с пола, чтобы опустить руки, снова затекшие в наручниках. Не могу ни сидеть слишком долго, ни тем более лечь – руки прицеплены высоко, железные браслеты впииваются в запястья, буквально пять минут с вытянутыми вверх руками, и я практически не чувствую кончики пальцев. Так что, если мне предстоит спать, буду делать это стоя. Впрочем, я все равно не смогу уснуть здесь. Его нет уже несколько часов, но каждый раз, когда глаза закрываются, даже на секунду, я вижу его силуэт, вышагивающий из темноты. Урод приближается ко мне, он... Стоп, успокойся, Роза. Я трясу головой, отгоняя его образ прочь – уходи, пошел! Тьфу. Я сойду здесь с ума.

Нашупываю ногой очертания телефона – моя единственная надежда достучаться до близких. Как же хочется включить его, увидеть свет экрана, и хоть немного успокоиться. Но нельзя – кто знает, сколько я еще пробуду здесь? В холодине телефон разряжается мгновенно, только на последнем эфире потеряла треть батареи. Слава Богу, пауэрбанк всегда со мной, с его помощью смогу протянуть еще день-два... В любом случае, нужно экономить. Отвечать на звонки, смс отправить я все равно не могу, а если кто-то будет искать, то определить мое местоположение по сотовым данным им не удастся. Матвей отключил эту функцию, защищая меня от возможной слежки. Вот уж спасибо. Его паранойя из-за моей популярности как всегда вышла боком. В общем, теперь телефон могу использовать только для выхода в эфир, нет смысла включать его просто так.

Чтобы хоть чуть-чуть согреться, я зарываюсь носом в шарф, который урод сорвал с меня, и теперь тот болтается на шее. Мой любимый, теплый, очень старый шарфик – еще мамин, кажется, если принюхаться, он до сих пор отдает мылом и розовым маслом. Хотя конечно, этого не может быть, но мне становится теплее, когда представляю ее запах.

Мама позвонила мне вслед за Матвеем. Я чуть не выронила телефон, увидев это слово на дисплее. Я не могла поверить, зажмурила опухшие глаза, и раскрыла их максимально широко – неужели мне это не снится? Ответить, конечно, не смогла – лишь беспомощно натирала пальцем разбитый экран. Но я клянусь, там было написано «мама». И затем пропущенные – от Матвея, тети Тамары, отца, и «мамы»!

Если бы в ту ночь, когда бабушку увезли на скорой, я не услышала шипение тети Тамары из кухни, как она всхлипывала и угрожала. Если бы не смогла утащить ее телефон и переписать этот никак не названный в ее справочнике номер себе. Если бы не дала ему имя «Мама», и потом несколько недель не решалась позвонить ей. Так и не решилась. А ведь я не была уверена в том, что это именно она. Да и сейчас не уверена. Но с кем еще могла так разговаривать тетка? Я чувствую, это мама. Но если бы всего этого не было... я бы не знала, что за номер мне сейчас звонит. Хотя если бы я не решилась на побег, то не сидела бы здесь без возможности ответить. Я бы просто приняла вызов с этого неизвестного номера.

Откуда она взялась? Откуда у нее мой номер? И почему сейчас? Почему не звонила много-много лет, а решила набрать меня именно сейчас? Неужели знает, что со мной случилось? И почему она знает об этом. Кто она сейчас? Чего хочет от меня? А может во всем, что со мной здесь произошло... в этом похищении... виновата она?

Мать

Сентябрь, 1989 г

Детство, детство ты куда ушло? Где уютный уголок нашло?

Детства милого мне не догнать,

Остается с грустью вспоминать. (с) «Ласковый май»

...Расскажу. Не расскажу. Расскажу. И не расскажу. Я оборачиваюсь, позади девять ступеней, мы на первом этаже, вверх осталось еще четыре. Сколько всего здесь пролетов? Получается, последний этаж окончится нечётно? На «расскажу»? Мысль выскользнула, как кусок мыла, защекодав самый низ живота. Чтобы не описаться, я резко сжимаю Тамарину руку. Сестра не обращает на это никакого внимания, она тоже занята своими мыслями. Разве что не напекает вслух. Она всё ещё там, на стадионе...

Это был наверно последний теплый вечер осени, уже вряд ли получится выйти без пальто. Мы на концерте группы «Ласковый Май», в первом ряду, при желании можно даже дотянуться до сцены! Позади такая огромная толпа, что в ее конце уже не разобрать лиц, но место перед сценой, где стоим мы, ограждено от других людей. Здесь свободно, всего человек тридцать, и четверо из них – мы! Маме повезло работать в администрации – она всегда может достать проходки на любой концерт, на самое лучшее место.

Я подергала Тамару за туфлю: «Эй, муха залетит!», но она не то, что не заметила, а даже рот не закрыла – так и сидит, разиня, у папы на плечах. Еще одна песня, и мы поменяемся. Такое правило: папа один, а нас двое, поэтому седлаем его по очереди, по две песни на каждую. Я старше, поэтому уже сидела, у меня осталось еще восемь подходов – по количеству лет. А у Тамары всегда на один раз меньше. Она обижается, якобы правила несправедливые, ну а меня все устраивает. Папа всегда подыгрывает, еще больше раззадоривая Тому, а та каждый раз плачет и жалуется маме, после чего мы с папой получаем люлей, а Тома – свой дополнительный «подход». Я прощаю ей нечестную игру, на правах старшей.

Но сейчас она забыла о своем ущербе, все смотрит на Юру, солиста группы, как загипнотизированная. Вот уже год у них «отношения». Если хорошенько закатать Тамарин свитер, то можно обнаружить секрет: на правой руке, почти у подмышки, выведено «Юра», синей шариковой ручкой. Раз в неделю после ванны я аккуратно обновляю ее «татуировку», потому что одной левой у нее не получается. Правда видит Тома его впервые, но ничего, потом скажет «я так себе Юру и представляла». У Тома есть кассета с их песнями, мамина подружка, тетя Оксана притащила. Поэтому тексты песен «Ласковый Май» в нашем доме знает вся семья...

Хотя нет, мама, пожалуй, до сих пор путается. У нее есть невероятная способность забывать музыку. Причем любую. Она ходит на концерты, и в театр, но никогда не может напеть папе мотив. Он говорит, это потому, что мама выросла в деревне, а там не было магнитофона, только коровы. Мама ненавидит эту шутку, но это отчасти правда. Вот и сейчас она улыбается, раскачиваясь в такт песни, и пытается подпевать невпопад. Рядом с ней, и дальше, сзади, девушки плачут. А вон у той под глазом размазалась тушь. Юра со сцены тянет: «...забудь его, забудь...», а девушка будто отвечает ему – «забуууудь...». И рыдает. А мама смотрит на нас и улыбается. Нет, с ней точно что-то не так.

Я улыбаюсь тоже. Но песня тут не при чем. Просто все складывается как нельзя лучше, и я чувствую какую-то легкость. Даже проснулась сегодня в полшестого, просто так, без будильника. И до сих пор не хочу спать, я не устала, совсем ни капли. Музыка накрывает меня как будто капюшоном, и каждая клеточка тела подпевает ее ритмам. Как же хорошо! Неужели так будет всегда? Вот бы остановить сейчас время... В голове снова и снова прокручиваю вчераш-

ний день. Я стараюсь останавливать эти мысли, чтобы от частых повторений они не затерлись, как Томина любимая кассета с «Ласковым Маем». Но у меня не всегда получается их остановить. Впрочем, у нее видимо та же проблема – кассета постоянно жует припевы.

Вчера в наш танцевальный класс пришел новенький. Олег Зараев. Пытался сделать вид, будто совсем не стесняется. Но что в этом зазорного? У станка пятнадцать девочек и всего два мальчика! Хотя «два» – это даже сильно сказано. Старший парень, Алекс... Да-да, Алекс Смоляков. Довольно странное имя для советского мальчика, но родители называли его исключительно Алексом, и никак не Лешей. Давать «западные имена» было модно в элитных советских кругах, а лучшим занятием для элитного ребенка были бальные танцы. Именно поэтому у бальников и бальниц при русских фамилиях могли быть неподходящие западные имена. Мы с Томой шутили, что возможно это дань великому танцору Бруно Белоусову. Бруно Борисовичу, кстати. Алексу почти пятнадцать, он танцует в паре с Анжелой, в юниорах. Нам до них, как до луны... Еще есть Костя, но его как бы и нет практически. Костя постоянно прогуливает: то болеет, то уезжает – какой смысл заниматься с ним? Поэтому если Олег останется, то может выбрать любую из нас, четырнадцати девчонок.

Вчера его поставили со мной. Вообще-то к нам уже приходил мальчик в прошлом году, и его тоже ставили со мной, но он не стал ходить. Мальчики в бальных танцах не задерживаются. Так глупо! Ведь у них в десять раз больше шансов на успех, чем у любой, даже самой «сильной» девчонки! Я стараюсь улыбаться, но так, чтобы не смутить его. Я не смотрю ему в глаза, веду, чтобы он не сбился, но не слишком напористо – я не зазнайка. Кажется, ему нравится. Лариса Ивановна, наш тренер, наблюдает за ним. Или за мной? Она смотрит, что-то отсчитывает, прицеливается.

Хорошо хоть не было этой стонотины, Розки Мардановой! Розалия... Снова бы тут ныла: «...а почему пару поставили к Саше, так нечестно! Почему я все время на задней линии...». Смешно сказать, Роза тогда обвиняла нас, будто прошлого мальчика моя мама купила! Заплатила, чтобы он достался мне. Хотя еще смешнее то, что если б это реально было возможно, мама так бы и сделала! Но мальчик и правда был бесплатный. Просто Розе не повезло. А потом пришла ее истеричная мать: «посмотри – ты довела Розалию до слез! Иди и извиняйся, живо!». Помню, как эта сумасшедшая повисла надо мной в раздевалке, отчитывала, и у неё неприятно пахло изо рта. Как же мне хотелось зарядить дверкой шкафчика прямо по ее крашеной башке! Я же просто сказала, что танцую лучше ее дочки! Это правда – так почему я должна извиняться? Если бы ее Розалия перестала кривляться, и чаще слушала тренера, если бы репетировала дома, или хотя бы не прогуливала – танцевала бы не хуже. Я молча наблюдала, как на Розином зареванном лице то и дело пробегает улыбка. Татарма. Кошачья морда. Мать ее не дождалась извинений, толкнула меня и ушла со своим сокровищем домой. А потом уже моя мама поставила ее на место! Даже и не говорила ничего, просто сожрала глазами. Ух! Мама может продавить своим авторитетом любого. Но, несмотря на наши ожесточенные разборки, мальчик слился, так и не выучив ни одного танца. Больше ссорились. И хотя я совсем не боюсь Розы, все же хорошо, что вчера ее в зале не было.

Когда за Олегом пришла его мама, высокая, очень красивая блондинка, он сказал ей, что придет еще. Точно не слышала, они стояли у выхода в другом углу зала, поэтому читала по губам. Я помахала – в понедельник он придет снова.

За этими мыслями я и не заметила, как мы с Томой поднялись домой. Мама причитает «пять этажей всего! И плелись целую вечность! За это время можно суп двести раз сварить! Витаете в облаках, две кулемы...», а папа только улыбается. И все-таки, на какую ступеньку закончился последний пролет? «Расскажу»? Завтра как раз можно будет обсудить, пока обновляю Томину татуировку. В животе нетерпеливо засвербело, и я опять хочу писать. Тамара смотрит сквозь меня и задумчиво качает ногой, сидя на обувнице в прихожей. Так ведь и уснет. Смеху-то будет! Да, я расскажу ей про Олега, но не сейчас, и не завтра. Вдруг он ходить не

будет? Неделей раньше, неделей позже – ничего страшного! Томин приговор от этого не изменится. Скажет свое коронное: «Влюбилась!» – с этим Юрой у нее все к одному... Да, Олег был бы замечательным партнером. Вместе мы смогли бы участвовать в турнире! Как Анжела с Алексом! Да что там, может даже как Поповы! В прошлом году мы с мамой ездили смотреть на показательные выступления Станислава и Людмилы Поповых в Челябинске, где они показывали «танцевальную угадку». Людмила не знала, что будет танцевать Станислав, а он не знал, какая музыка будет звучать. Пара готовилась к «Чемпионату всех звезд» в Токио, где призовой фонд составлял около 300 тысяч долларов, а победители получали еще и новые «Мазды»! Если мы тоже будем много-много стараться...

Я расправляю плечи, как учила нас тренер Лариса Ивановна: максимально выпрямив спину, так чтобы между позвоночником и входной дверью невозможно было просунуть даже мизинец. Медленно вдыхаю теплый, домашний воздух, а сама в мечтах уже на паркете: летящее бальное платье, все в ровненьких рядах страз и маленьких бусин, колыхается в такт венскому вальсу. Я выразительно отклоняю корпус: вот мы кружимся, но зрителю всегда видно мое лицо, так принято в танцах – невежливо поворачиваться к залу затылком. Я вытягиваю каждый пальчик в белоснежной длинной перчатке, улыбаюсь, а Олег... Мысль мою обрывает резкая волна боли, от ягодицы она разливается к самой ступне, а оттуда бежит обратно. Рухнуть задницей прямо на подъездный бетон! Размечталась, кулема: «Попов... Токио». Теперь сколько не растирай, а синяк все равно неделю-две не сойдет. Ну, сама дура, не реви – закрывать нужно дверь, когдаходишь.

Мать

Понедельник, 19 июня, день

– Зачем ты сюда-то пришла? – Тамара, повернувшись, вскрикнула, отчего гул прошелся по всей подъездной клетке, и, не найдя другого выхода, упал по пролету на нижние этажи. Не ожидала. Логично не ожидать прихода кого-то, с кем не виделся несколько лет. Но если бы я не окликнула ее сейчас, она бы открыла дверь и зашла домой, не заметив меня. Пришлось бы звонить, ждать пока откроет или как тогда, разговаривать через дверь, периодически улыбаясь в сторону соседских дверных глазков, переходя на шепот.

– Тома, подожди, с ней что-то случилось. Её, похоже, обокрали. Где она сейчас, ты знаешь? – я, как могу, стараюсь сделать голос мягче, но этот Тамарин взгляд... оценивающий, высокомерный, он что-то щёлкает внутри, и я моментом закипаю. Никто не может вывести меня так, как это делает она, одним только взглядом. От обиды, хотя, буду честна, не только от неё – я все гуще краснею. Кровь, подогретая вином, разливается на лице в самый неподходящий момент. Она ударяет в нос, и течет ниже, вязкой жижей на язык, отчего слова как приклеенные, не могут выпасть изо рта. Я злюсь на Тамару за ее снисходительный тон ко мне. Я злюсь на себя за эту несдержанность. Неуместно. Глупо. Как и всегда.

А нужно-то было, проехать пару остановок. Всего лишь. От отделения, где работает Олег, до сюда – пятнадцать минут времени. Но нет, я зашла в этот чертов магазин. Зачем? Посмотреть, все ли там по-прежнему? Починили ли порог? Работает ли продавщица Зоя? Как и три, пять, десять лет назад. Тогда я заходила сюда практически каждый день, иногда и не по разу. Зоя была мне ближе мамы, как ни стыдно это признать, мы правда виделись с ней гораздо чаще. Но теперь вместо Зои за кассой молодая девчонка, жуя жвачку, она отбила мне бутылку красного полусладкого, и продолжила колупать ноготь. Я зашла в ближайший подъезд, и опрокинула три четверти бутылки залпом. Как в старые добрые. Лет пять назад я бы выпила её до дна, и пошла проверить как дела у Олега. Но сейчас я завинтила крышку, сунула в сумку и отправилась на остановку. Ведь я в завязке уже несколько лет. Ведь я могу себя контролировать.

– А что ты хочешь от меня? Здесь! Мы же давно договаривались – все общение только по телефону. Никаких визитов. А что если бы Роза была дома? Открыла бы тебе. Что бы ты ей сказала? «Привет, дочь, я очнулась?». А мама? Ты подумала о ней? – за дверью послышалось движение, кто-то легонько толкал её. Тамара прижимает дверь рукой, отчего та захлопывается. Кто это был? Ее муж Егор? А может, мама? Живот снова сковало спазмом, какая-то непривычная, нездоровая боль.

– Успокойся! Я знаю, что ее здесь нет! Но я тоже волнуюсь, как ты не поймешь... – я уже хриплю шепотом, но что мне остается, если этот поток Тамариных слов реально только перекричать, а кричать-то, как раз, у нас возможности нет!? И почему она вечно орет на меня...

– Ты волнуешься! Это ты волнуешься? Волноваться нужно было сама знаешь когда, не надо мне об этом рассказывать. Да Саш, не начинай лучше! Мы выясним, куда Роза отправилась. Выясним с Олегом вместе, не с тобой. Так для всех будет лучше. Уехала отдохнуть на море, с подругой – вернется к выпускному. Ты в курсе вообще, что у ней выпускной скоро? Поступила в институт. Она большая девочка, даже если украли телефон, или деньги, найдет уж откуда позвонить. Ну и в любом случае, Олег разберется, что там произошло. Ты должна быть благодарна, что у неё всё вот так хорошо. Что, если бы нас всех не было? Мама. Что бы ты делала? Сколько можно об этом говорить, ты ведь прекрасно понимаешь. Что молчишь? Откуда ты вообще узнала, что ее обокрали? Саша, ты снова взялась за Олега? Не надоело?

Я нахожу в сумке телефон и молча протягиваю смс. Её слова кислотным дождем проедают кожу, и я сдерживаюсь, не делая лишних движений. Только не смотреть вниз. Только не сейчас. Я сжимаю кулак до резок на ладонях. Еще секунда и я спущу с лестницы собственную сестру.

– То есть хочешь сказать, это она тебе написала? Тебе? Ты сама-то в это веришь? Откуда у нее твой номер? У меня она не спрашивала. Ни разу. Про Олега ты сама понимаешь. Он бы не стал говорить. Да даже если бы и сказал, думаешь, она решила тебе пожаловаться? Вот так вот запросто, сейчас? А чем ты ей поможешь? Надеюсь, ты не надумала звонить?

Я выхватываю трубку, в каком-то зверином прыжке, отчего сумка на моей руке раскрывается и глухим ударом припечатывает Тамарин висок. Тамара истошно воеет, и уже через секунду сотни осколков разлетаются по бетону.

Матвей

Понедельник, 19 июня, день

Люстра? Плафон? Оглушительный звон битого стекла вперемешку с криком эхом разнесся по подъезду. С верхних пролетов скачут мелкие темные стекляшки. Я отхожу к квартире бабки Клавы. За дверью надрывается Кнопка, помесь дворняги с чем-то визгливым. Она так бьется за этой хлипкой деревянной дверью, что я невольно оглядываюсь, убедиться, не прорвала ли обивку. Или свою маленькую башку. Наконец-то. Мимо проносится растрепанная женщина в строительной форме. Перелетает через несколько ступеней враз, не поднимая головы, и уже через секунду, судя по звуку снизу, она врывается в входную дверь, прямо как Кнопа, видимо забыла – прежде чем выходить, нужно нажать кнопку домофона. У кого-то утро явно не задалось.

Я поднимаюсь, стараясь не наступать на стекло. С самого детства ненавижу его скрежет. Одно время отчим запойно пил, и постоянно бил бутылки на кухне, а я подметал. Благо, длилось это недолго. На корточках рядом с дверью сидит, вжимая пальцы в щеку, тетя Тамара. Я перемахиваю через последние три ступени, и осторожно осматриваю ее голову. Вроде целая. Нет, это не кровь – вино. Обрызгало ей ноги, растеклось по полу между стекляшек. Она мелко дрожит, покачиваясь. Плохо, если упадет на битую крошку. Тело зануло в ответ. Фу. Ненавижу стекло.

– Что случилось? Это она сделала? Та женщина? – мычит. Я помогу ей встать и зайти в квартиру. На пороге копошится Егор Александрович, видимо услышав крики, он искал ключ, чтобы открыть дверь изнутри. Я вручил ему тетку, и в его руках она медленно, но верно пришла в адекват. Честно говоря, я никогда не понимал, чем могу помочь в такой ситуации, и, видя, как кто-то воет, я только злюсь. Я подождал, когда она начнет говорить внятно, но из-за всхлипов невозможно было разобрать что она хочет. Егор Александрович скомандовал взять графин на кухне, и я принес его, правда, не слишком быстро. Да, это нехорошо с моей стороны, выждать пока они сами успокоят друг друга. Но я там лишний элемент, да и слышно их с кухни прекрасно.

– Идиотка! – тетя Тамара всхлипывает, и то шепчет, то срывается в рыдания. Она явно испугалась. Та баба, похоже, пришибла ее бутылкой по голове. Что хотела? Обчистить? Тетку или квартиру? Не помню, чтобы когда-нибудь видел воровку-женщину. Разве что цыганки на вокзале. И хотя лица ее не рассмотрел, она не была цыганкой.

– Зачем она приходила? Тамара, успокойся. Да успокойся же! Что она хотела от тебя?

– Да... Роза отправила ей смс-ку. У Розы что-то украли. Я не знаю что. Саша не знает что украли. В смысле в смс не написано, что украли. Просто написала «у меня украли...», а что украли – не написала. Телефон выключен, – голос тетки Тамары выровнялся, она вздыхает, – Егор, когда они уехали? С той девочкой, как её там, Софья? Ты проводил их? Все нормально было?

– Да, я привез ее на вокзал, но она поехала одна, без подруги. Что-то там у них не склеилось. По пути ещё Димана с работы подбросили до метро. Села она нормально, вовремя. Может уже в Сочи на месте обокрали? Или в поезде? Надо было самолетом лететь. Можно подумать, большая экономия. Что у нас, денег что ли нет? Кто вообще решил ехать поездом? Слушай, а когда она прислала сообщение?

– Утром сегодня, Саша позвонила мне в полдесятого, наверно тогда и получила, она ж нетерпеливая... Значит Роза писала уже из Сочи. Что у неё случилось?

– Еле нашел, извините, – я протягиваю Егору стакан воды и графин, который он зачем-то поднимает на свет. Сквозь ребристые стенки графина и толстые стекла очков его итак немаленькие глаза увеличиваются втрое, сделав его похожим на чувака из «Битвы Экстрасенсов». У меня самого плохое зрение, но очки ношу редко, и, надеюсь, они выглядят прилично. Хотя возможно в девяностые и эти выглядели прилично. Пфф... Да кого я обманываю. Эта модель «ухажер черепахи Тортиллы» не выглядела прилично никогда. Я не могу не улыбнуться – Егор забавный. По каким таким критериям тетя Тамара выбрала его в мужа? Хотя вроде они учились вместе. Школьная парочка «ботан и русалочка»? Они не были популярными. Хотя навряд ли их это волновало. Егор всё еще пялится сквозь воду. Что он там рассматривает? Не подсыпал ли я им яду? Я ловлю его взгляд с обратной стороны графина.

– Покупаем очищенную воду, а она с осадком, – вот оно что. Печально. Все-таки у тети Тамары есть чувство юмора, иначе сложно оправдать ее выбор.

– Тетя Тамара, вы в порядке? Может, в скорую позвоним? – «скорая» мешает моим планам, но стоило спросить, вежливости ради, – Нет? Я вообще пришел спросить про За... Розу. Она давно собиралась в Сочи?

– Да, она хотела отдохнуть после сдачи экзаменов, и всего этого... с ее бабушкой... Прошел всего месяц, как с мамой случился инсульт, и она конечно еще не восстановилась. Но Роза очень переживала, кажется, винила себя в этом инсульте... отчасти, да и экзамены, поступление – все навалилось разом, поэтому я даже не задавала вопросов. Ей нужен был этот отдых. Правда не знаю, откуда она взяла денег на него, наверно Олег помог. Матвей, ты не в курсе?

А вот это очень хороший вопрос. Я был в курсе, что у Розы не было денег. Никогда в принципе, а сейчас и подавно. Она хорошо жила, бабушка обеспечивала Розу по бизнес-классу: у той были дорогие вещи, они ходили в лучшие рестораны вместе, ей выдавались карманные деньги. Но после инсульта в мае бабушка резко перестала накачивать ее деньгами, а заначек у той никогда не было – Роза все спускала до копейки. По пути в школу она могла зайти в цветочную лавку, купить какой-нибудь лаванды за пару косарей, пофоткаться, и выкинуть букет в ближайшую урну. А потом «Мот, скинь пятьсот на карту пжл». В этом вся Роза. Я больше чем уверен, ничего она не накопила, и не собиралась ни на какой отдых. Она собиралась в другое место, и я немного скорректировал ее планы.

– Так что мы будем делать? Что сказал Олег? Просто ждать, когда она позвонит? Он может как-то проверить ее карточку, чтобы понять, куда она заходила, где была, – Егор засуетился, как курица-наседка. Да, наверно может, Олег может многое... если постарается. Правда, сейчас это совсем не обязательно. Можно повнимательнее посмотреть ее Инстаграм, может где-то в комментариях она обмолвилась о своих планах. Даже интересно, реально ли она планировала отвязаться от меня... Но на моем телефоне осталось всего 2 процента зарядки, не потянет инсту...

– У меня другая идея. Егор Александрович, можно зайти в Инстаграм с вашего ноутбука? У меня телефон садится. Посмотрю Розин профиль, возможно, она что-то постила из поезда, или уже на месте. Какие-нибудь фото или сториз. Комментарии. Пойдем, где она была.

– Да, конечно давай, – Егор пошаркал в комнату, но внезапно обернулся, – Слушай, надо подождать только. Обновление скачивается, прямо сейчас не остановить. Подождешь полчаса? – он мял штанины на пороге. Господи! Егор. У него вечно то обновление скачивается, то оперативка добавляется, то комп разобран, то видеокарта в обмене... Сколько раз Розе нужен был ноут, столько раз его невозможно было включить. Иногда она даже приходила делать уроки ко мне. Одно что дома в соседней комнате живет программист... Как говорится, «сапожник без сапог» ...

– Да, конечно... Вы бабушке не говорили про Розу? Ну и правильно, пусть восстанавливается спокойно, пойду, поздороваюсь с ней, – не дожидаясь разрешения, мысленно матеря Егора, я пошел в комнату Александры Михайловны, единственного адекватного человека в их

семье. Ей всего шестьдесят с чем-то лет, но после инсульта в мае, прошел еще только месяц, даже меньше. Она все время лежит в своей комнате, путает имена, забывает какие-то слова, и неуверенно двигается. Но от какой-либо помощи отказывается. Все сама. Разве что готовить тетя Тамара, ее дочь, ей не разрешает. Боится, вдруг та забудет что-то на плите. Егор работает на гибком графике, поэтому кормит ее он, или Роза. Интересно, Роза делилась с ней своими планами? Бабушка улыбается, заметив меня на пороге.

– Здравствуй! Садись сюда на диванчик, как дела? Как ты окончил школу? – видимо она забыла, что я старше Розы, и школу закончил еще в девятом классе. Но не суть.

– Нормально, поступил. Как у вас здоровье? Как Роза?

– Роза тоже поступила. На экономический! С первого раза! А как же! Она просилась поступать в МГУ, в Москву. Она бы смогла и туда. Роза очень способная девочка, честно – я тебе не вру. Ты же знаешь, с самого детства она выделялась на фоне других детей. Она умница. Но я ей отказала. Пришлось. Понимаешь, у меня ведь есть возможность отправить ее хоть в Америку. Даже в этот, ммм...

– Кембридж?

– Да, точно. Но это опасно. В ее нежном возрасте нужно быть ближе к родным. Иметь возможность рассказать о проблемах. Посоветоваться. Так она допустит меньше ошибок, о которых потом будет сожалеть. Поэтому она поступила здесь, и пока будет жить с нами. Это правильно. А Кембридж освоит позже, если ей это будет нужно.

– Роза особенная. Знаете, она всегда такая нервная! Особенно за рулем – опыта вождения пока маловато, и, если ей, не дай бог, кто-то звонит в это время, она жмет на все кнопки по пятьсот раз, будто чем чаще их нажимать, тем быстрее сбросишь звонок собеседника. Меня всегда это смешит. Впрочем, не только это. Таких людей как Роза нужно оберегать, без помощи они пропадут.

– Вот именно. Я хорошо усвоила этот урок в свое время... Как жаль, что здоровье нельзя купить. Оно все еще нужно..., – она вздохнула и обмякла, – А ты хорошо меня понимаешь. Роза тебе нравится, да? – Александра Михайловна хитро улыбается. Мило, но криво. То ли заигрывает со мной, то ли не научилась заново управлять мышцами лица после недавнего инсульта. Жаль ее. Единственная, кого мне и правда жаль. Она закивала, – хорошо, если так, мальчик. Но не торопитесь, пожалуйста. Дай ей время расцвести. Моей Розе. Она еще совсем ребенок.

– Хорошо. Я открою окно? Немного. Душно здесь. А где сейчас Роза?

– Конечно, открой, – она захихикала, мол, знаю я, почему тебе душно. Всем бывает душно в двадцать лет. Блин. «Как себя вести, когда тебя троллит бабушка твоей девушки?». Вот этому должны учить в школе, а не косинусам. Хотя «девушка» – громко сказано. Мы не пара. Скорее френд-зона. «Как выйти из френд-зоны» – еще одна тема для внеклассного вебинара. Из меня получился бы отличный учитель. Я преподавал бы только полезные предметы. Бабушка откашлялась, – Роза поехала отдохнуть на море, в первый раз одна, без меня. Раньше мы здорово отдыхали... По Европе: Рим, Барселона, Прага... Сколько там роскоши, и человеческого гения... Нам было так весело с Розой. Это самые счастливые годы в моей жизни. Хотела бы я поехать с ней еще раз, но уже не смогу. Ты бывал в Европе?

– Не довелось пока. Но обязательно поеду. Я люблю фотографировать...

– Фотографировать? Кого?

– Природу... Фотографирую улицы, всякие пейзажи – она задумалась. Черт, я ведь по большой мозоли. Наверняка помнит, почему ее разбил инсульт. Розины фотки, где та «голышом». «Позорище». Которое сделал я. Знает она, кто автор фотографий? Черт. Черт. Это вообще не вовремя. Где-то здесь висели часы. Полвосьмого. Вроде вот еще шести не было, и уже почти восемь. Как быстро летит время! Кажется, Капица писал, что время реально течет быстрее с каждым новым поколением людей, и сейчас в сутках не 24, а всего лишь часов 16.

По моим ощущениям, не больше десяти. Еще этот Егор со своими обновлениями... Я пыжусь, как бы замять эту тему с фотками, и в итоге роняю с комода черно-белую фотку в рамочке, где тетя Тома стоит с Егором, а Олег, по всей видимости, с Розиной мамой на фоне леса. Все как один улыбаются – в лучших традициях совковых групповых снимков. Ляпаю, не подумав, еще хуже, – А с тетей Тamarой и... мамой Розы вы тоже много путешествовали?

– Не будем говорить на эту тему сейчас, хорошо?

Хорошо. Бабушка Александра вдруг обмякла всем телом. Уставилась в одну точку. Как электрик, проверяя в цепи напряжение, она смыкает поочередно подушечки пальцев: указательный, средний, безымянный и обратно, каждый раз возвращаясь к среднему пальцу. Видимо, с него идет поломка. В комнате повисает неприятная пауза. Женщина в комбинезоне, в этом доме о тебе не хотят вспоминать. Почему?

Мать

Май, 1993 г.

Помнишь, день рождения в пятом классе, и тебе двенадцать лет.

Вот тогда, на зависть всем ребятам,

Я принёс свой розовый букет. (с) «Веселье ребята»

Черт возьми, как же я это ненавижу! Я ору во всю мочь, как загнанный зверь, сотни децибел мечутся туда-сюда внутри тесного туалета центрального ДК, со всех сторон обложенного бледно-зеленой звенящей плиткой. Чуть ли не разрываю замок на спинке платья, минут десять не могу его расстегнуть, застрял между лопаток, скотина! Стягиваю лифчик и швыряю в мусорное ведро. Там тебе и место! Снова опускаюсь на унитаз, бессильно рыдаю. Правда, без слез. Мне ведь даже пореветь нельзя! А так хочется...

Я сижу на грязном унитазе в изумительном самодельном бархатном платье, сплошь расшитом жемчужными бусинами и стеклярусом – и где она только их нашла? Чем платила? Это раньше мы могли достать какие угодно ткани и украшения – из-за рубежа, пошить в самом лучшем ателье города, а сейчас все изменилось.

Больше года прошло, как папа пропал, а маму «попросили» уволиться из администрации в самый разгар кризиса. Новая власть – новые управленцы. Мама осталась одна с нами, двумя девочками-подростками. Мы давным-давно едим кашу не только на завтрак, но иногда и на ужин. Тома донашивает мою одежду, да и мама ходит в старом. Только я одна с этими выступлениями тяну и тяну деньги, которых нет. Мама нашивала эти бусинки в поезде по дороге сюда – весь день и всю ночь, легла только под утро. Я хотела помочь ей, но она скомандовала «идти спать, ведь завтра нужно сражаться». И я уснула, а она еще много часов продолжала шить. И даже сейчас у нее сна ни в одном глазу – ждет нашего выступления в зале. Осталось каких-то двадцать минут до нашего выхода на паркет. Если я разревусь сейчас, то ни за что не успею нанести макияж заново. Кто дал тебе право ее подвести, Саша? Соберись.

Я шумно выдыхаю, и выхожу из кабинки к умывальнику. Как назло, прямо над ним висит огромное зеркало, мимо которого не пройти, как ни старайся. И я снова вижу эти унылые отростки. Как же убого они выглядят! Но что делать? Сейчас я снова выйду в зал, и все будут смотреть на мои проклюнувшиеся бугорки в том месте, где-либо должна быть нормальная женская грудь, либо, в случае девочки, груди быть не должно совсем. У меня же нечто среднее, как жопа у лягушки. Перед последним прогоном я уже в отчаянии нацепила этот бюст, и как же пожалела! Лямки скользили, периодически сползали, я весь танец думала только об этом чертовом лифчике, о том, какая я в нем неуклюжая и, в конце концов, вот – сорвалась. Оттолкнула Олега и убежала в туалет рыдать. Что он подумал? Оставила одного в зале. Я ни разу еще так с ним не поступала...

Когда моих родителей настигла перестройка, и папа... не смог это пережить, именно Олег захотел остаться со мной в паре и даже настоял на этом. Он единственный сын в своей богатой семье, его желания – это закон. Поэтому о замене меня не могло быть и речи. Родители Олега холодно относились ко мне и моей маме, но делали это молча. Ведь самое главное – наш с ним результат. Они растили победителя, и я была его отличным вспомогательным орудием на пути к званию чемпиона мира. Но расходы на занятия, костюмы и бесконечные конкурсы никто не отменял. Мама ни разу не попросила родителей Олега помочь нам материально, оплатить сборы или взносы. Ей было бы слишком стыдно просить, расписавшись при этом в своей беспомощности. Это не про неё. Поэтому она делала все возможное, чтобы не ударить в грязь лицом, ни при родителях Олега, ни при ком бы то ни было еще. От меня требовалось только

лишь показывать класс на паркете. А не распускать сопли на умывальник! Нам нужно выложиться по-максимуму, иначе прощай, Чемпионат России, прощай «открытый класс». И мама покупала билеты сюда зря. Все ее бессонные ночи, платья эти – все зря! Он снова стучит. Это точно он, Олег. Понял где искать меня.

– Саша, я знаю, чем помочь тебе, открой.

Ну конечно ты знаешь, ты все знаешь лучше всех, поди и лифчик хороший принес? Я снова смотрю на эти бугры, и слезы сами собой застилают глаза. Нет, больше не могу сдерживаться.левой рукой открываю дверь, а правой стряхиваю соленые капли у самой переносицы, пока те не упали на щеки. Олег – красавчик, как всегда – не постеснялся зайти в женский туалет. Он протягивает платок и «лимонку».

На все выступления, тренировки мы носим с собой перекусы и питье, я делаю «лимонку» – напиток из воды и лимонного сока. «Лимон хорошо утоляет жажду и повышает тонус – чтобы всегда быть готовым взять пьедестал», – как говорит мама. Олег тоже любит простую «лимонку». У каждого своя любимая бутылка. Своего рода священный амулет. У меня розовая, с глиттерными наклейками, которые чуть обтрепались, будто кто-то пытался их отклеить с углов, но они не отлеплялись, и он бросил это дело. Хотя конечно никто кроме меня и мамы к ней не прикасался, обтрепалась бутылка от старости – я не меняла ее несколько лет. У Олега бутылка новая, скромно-серая, вот ее он и принес. Мне, конечно, неудобно пить из «не своей» бутылки, будто бы вторгаясь на его, чужую территорию, и я глотаю побольше, с запасом – заодно прополощу горло. Олег улыбается, будто, не успев мне что-то сказать. И... Я захожусь кашлем, брызгаю на него, на себя, на пол. Я будто проглотила огромную горящую головешку! Водка?!

– ...надо было взболтнуть, конечно...

Черт! А ведь он действительно знал, чем мне помочь! Уже тогда знал! Миллионы раз я вспоминала то наше выступление. Мы не танцевали – мы плыли, горели. Мы жили. По-настоящему, взросло, манко. Сотни глаз, следящих за нашими телами. И никто из них не знал наш маленький алкогольный секрет. Говорят, что опьянение не дает сфокусироваться. Но это и не нужно, я могла бы танцевать даже с закрытыми глазами. Когда тренируешься 24/7, тело запоминает мельчайшие детали движений, выдает их на автомате. Технически я всегда была невероятно точной: шаги только с носка, только в ритм – просчет в доли секунды. Но в танце важна не только техника, нужно общаться душами. А вот с этой проблемой мне помог справиться алкоголь. Нам аплодировали стоя. Тренер сказала, что это был прорыв для нашей пары. Она почти год вынужденно держала нас в классе, где можно танцевать только восемь танцев из десяти возможных, облегченного уровня. Потому что мы были «готовы физически, но не были готовы внутренне повысить категорию танца».

Мама ликовала. Собрала гостей, тех немногочисленных, кто не отвернулся от нас в тот злополучный год. Все поздравляли меня, сыпались тосты. Мама вспоминала наши бесконечные домашние прогоны «за маму, а теперь за папу»: когда я пыталась отточить новую фигуру, а мама отстукивала ритм каблучками моих первых танцевальных туфель. Это было удобно, туфельки легко помещались в ладонь. В окончание вечера она внесла огромный торт со свечами! Нет, не тринадцатую, свечей было только десять – по числу танцев любой сложности, которые отныне мы можем исполнять в «открытом классе». Ей богу, такого торта даже на моем дне рождения не было. Все фотографировались с ним на заграничный полароид, оставшийся от той обеспеченной жизни, которая совсем недавно для нас закончилась. А я задумчиво водила ложкой по пустой тарелке. Торт всегда был под запретом, берегла фигуру – танцору нельзя толстеть и покрываться прыщами. Сегодня мне можно было все, но – не хотелось. Мысленно я

каждую минуту уносились далеко от гостей, торта, мамы – на паркет, в тот наш пьяный танец, когда он вёл меня, а я полностью ему вверилась. Не было проблем, не было смущения – мы были полностью откровенны. Мы любили друг друга. По крайней мере, любила я.

Вы скажете «с того момента они начали встречаться, а потом жили долго и счастливо». Но нет. С того момента я стала добавлять в свою «лимонку» водку. Не так много, как в тот раз, буквально стопку. Иногда даже всего пару капель. Мне достаточно было знать, что алкоголь там есть, уже от этого знания я чуть расслаблялась и выдавала результат. Но на тренировке и выступлениях мы только танцевали, разговаривать с Олегом было некогда. А в школу я ходила без своей «страховки». Поэтому вне танца мы так и оставались «просто друзьями».

Мать

Май, 2007 г.

*Но даже и ты помочь не можешь, и темнота твоя,
Мне одному совсем, совсем ни к чему. (с) «Ласковый май»*

Голова раскололась надвое. Будто в затылок вбили гвоздь, и я лежу на нем, шевелиться попросту боюсь. Да и сил никаких нет: жутко тошнит, и в то же время дико хочется есть. Я бы съела сейчас курицу целиком, да только нет сил, даже до кухни дойти. Даже подняться с пола. Опять скакнул сахар, и я отключилась, сколько уже лежу здесь? Я поворачиваю голову, под кроватью ровные прозрачные бутылки: шесть, девять, двенадцать – пора выкидывать – а рядом с ними валяется зонтик. Я мотнула голову на другой бок, к окну – а там темно, дождь плевками шлепает по стеклу. Дождь. Зонтик. Роза. Черт. Роза! Я опять оставила ее! Это конец. Мысли понесли бешеной каруселью.

Вчера вечером я пошла в магазин, мимо парка, я застыла на месте – Олег гулял с Розой. Всего в паре метров от меня, за забором. Он купил Розе разноцветные блестящие шарики, и вату размером с две ее головы. В честь окончания второго класса, наверное. Я долго любовалась ими, смотрела как зачарованная – так смотрят на бабочек, боясь спугнуть их дыханием. А потом к ним подошла она. Кошачья морда. И они стали гулять втроем. С моей Розой. Снова она. Забрала у меня танцы, его, а теперь и Розу. Они сели в машину Олега и уехали. А я пошла домой, позвонила ему на мобильный – он не взял трубку. Я ходила из комнаты в ванную, из ванной в кухню, звонила, звонила, раз пятьсот – занято, без ответа, не доступен. В холодильнике стояла начатая бутылка водки, но я открыла новую и выпила ее полностью.

Проснувшись наутро, я решила встретить Розу из школы, погулять с ней как раньше. Обычно Розу забирала из школы мама, и они шли к ней домой. Роза уже пару лет жила с моей мамой, я заходила к ним изредка, когда была в состоянии... Но мамы еще не было, а Роза уже вышла в пришкольный дворик. Я помахала ей рукой из-за ворот и позвала ее. Роза отошла от группы одноклассников, и незаметно для учителя прошмыгнула ко мне. Так началось наше тайное путешествие. Мы немного поскакали на бревне в овраге за школой, а потом поехали в наш парк, ездили на железной дороге, Роза очень любила кататься на ней раньше. Хотя у меня не было много денег на аттракционы, но Роза как будто понимала это, и не просила ничего. Она догадливая. Небо потемнело, и я предложила зайти домой за зонтиком, а потом пойти в кино.

Мне пришлось попросить Розу посидеть на скамейке у подъезда, объяснив тем, что дома я потравила тараканов и детям дышать отравой нельзя. Не знаю, почему из меня вылетела эта нелепость. Просто здесь бардак, да и бутылки давно нужно было выкинуть – нельзя, чтобы Роза рассказала маме об этом. Иначе мы вообще больше не увидимся. Я зашла домой, на автомате закрыла дверь и стала искать зонтик. Я жутко нервничала, потому что торопилась и понимала, что не пользовалась им уже несколько лет. Найти его в моем бардаке было бы сложно. И все же я нашла чертов зонтик, он лежал на верхней полке в чулане. Я потянулась за ним, и голова сильно закружилась. Иногда меня накрывало волной бессилия, особенно на голодный желудок или с похмелья как сейчас. Наверное, сахар в крови скачет. В такие моменты мне нужно что-то срочно съесть, иначе бессилие будет расти как снежный ком, и через пару минут я уже не смогу подняться на ноги. Вот это и произошло со мной. Ухватилась за какой-то чемодан рядом с зонтом, и он с грохотом упал на меня. Я ударилась о косяк и отключилась. А Роза осталась сидеть у подъезда. Под дождем. Снова.

Шторина мечется на гардине туда-сюда. По полу разлилась лужа длиной в метр – вот сколько дождь нахаркал в открытую форточку, пока я тут валялась. Господи, неужели Роза до

сих пор ждет меня на улице? Я мгновенно вскакиваю и лечу по подъезду вниз, перепрыгивая ступени так, что ляжки подпрыгивают. А в голове бултыхается уже не один – сотни мелких гвоздей. Вот же ты алкашка, Саша, бухаешь не просыхая. Одно и то же – десять лет коту под хвост! Но ведь так было не всегда!

Как только Роза родилась, и первые месяцы... я была так счастлива! Пока он был со мной. Потом держалась, даже несмотря на напряжение, на усталость – только чтобы не расстраивать его, чтобы ему было хорошо. Я отчаянно цеплялась за нашу маленькую семью. Но когда Олег ушел, во мне будто обломили стебель. Я перестала чувствовать жизнь. Нет, у меня не было мыслей покончить с собой. Но мне стало все равно – жить или умереть. Даже несмотря на маленькую Розу. Как это возможно вообще? Наверное, я плохая мать.

Еще и мое тело, всегда такое подтянутое и отлично сложенное – поплыло без тренировок. Вроде бы я не была слишком толстой. Но это ощущение, когда при ходьбе ляжка трется об ляжку – и ты автоматически чувствуешь себя кобылой. У меня чуть подвисал живот, пара сантиметров в ляжках, бедрах, в руках. Но общее ощущение такое, будто тебя замотали в полиэтилен, а в прослойку между ним и кожей наложили желатина. Помню, пришлось объяснять маме, что деткам до года нельзя смотреться в зеркало, поэтому я и завесила его пленкой, чтоб Роза не пугалась. На самом деле, я, конечно, пугалась сама – своего отражения.

Олег не забыл обещание помогать нам деньгами. Передавал через маму каждый месяц. Немного, но достаточно, чтобы не просить больше. А еще их хватало на водку. Алкашка?! Но нет, все было не так. Не совсем так. Я не пила водку бутылками. Я делала коктейли с лимоном и спрайтом. Да, можно было покупать вино. Но, во-первых, водка обходилась дешевле. Вина в магазинах тогда было не так много, как сейчас, стоило оно недешево. Я ведь не работала – сидела с Розой. А во-вторых, мне нравился вкус. Он напоминал то время, когда мы танцевали. Напоминал о нем. Сначала я делала коктейли только по выходным. Вечером вдвоем с маленькой было особенно скучно. Потом и в будни. Потом подумала, раз я все равно не работаю – зачем дожидаться вечера? Если можно поднять себе настроение прямо с утра. Я выпивала коктейль, и мы с Розой шли гулять. Под шафе мне было все равно как меня оценивают соседские бабульки. «Малолетка родила? Ай да девка! Проститутка, так и надо!». Мне были безразличны мамы, которые либо смотрели оценивающе – почему полутораговая девочка не ходит в ясли, либо с сочувствием – Роза гуляла только со мной, и никогда с отцом. Олег попросту не приходил к нам с Розой – «дел по горло, работаю сутками, кризис – с начальством не стоит кусаться, я тут без году неделя» и одно, да потому... Так что я была «и за маму, и за папу». С алкоголем можно было терпеть детские истерики, можно было часами дремать рядом с песочницей, или смотреть «Шоу Тома и Джерри». Вы скажете, миллионы женщин по всему миру проходят через это, и не спиваются. Да, это так. А я вот спилась.

Раньше у меня всегда была цель. Сначала одна категория, вторая, выход в чемпионат области, затем соревнования по России, а после распада Союза перед нами замаячила Европа! Я росла как ослик с привязанной перед мордой морковкой. А еще Олег – он всегда был рядом. Но теперь у меня не осталось ни его, ни танцев. Будто кто-то оторвал морковку, и ослик не мог решить в какую сторону ему идти. А пока раздумывал, вроде бы и идти стало некуда.

Так я перестала покупать спрайт для своих коктейлей. Выпивала довольно много, могла по полбутылки за вечер. Наутро мне было очень плохо – я могла только лежать, есть не хотелось. А нужно ведь варить Розе еду, но признаться, я не всегда это делала. Однажды к нам заглянула соседская бабушка Катя, царствие небесное. Она прошла на кухню и увидела гору посуды в мойке. Было около трех часов дня, а я только встала, не умылась, и дочка просила кушать. Соседка ушла. Мне стало стыдно, и я выпила еще. А затем соседка вернулась с вареной картошкой. Покормила Розу и меня заодно. Она стала приходить чаще, навещать нас. Всегда ворчала на меня, но недолго.

С мамой мы общались редко. Я не отвечала на звонки, но звонила сама раз в неделю, чтобы узнать заранее, когда она хочет приехать к нам в гости. В этот день я прибиралась и выкидывала скопившиеся бутылки. Но она, видимо, заметила перемены, и однажды приехала без предупреждения. У нее был ключ, она открыла и увидела все как есть. Роза смотрела телевизор и обмочилась, но мультик был настолько интересный, что она так и сидела в мокрых трусах на полу. Прямо под открытой настеей форточкой. А я спала рядом на диване, перед которым лежала бутылка водки и осколки керамической кружки. Видимо она упала с дивана, когда я повернулась. По сути, это было стечение обстоятельств, но они стеклись в такую неприглядную картину, что мама забрала Розу к себе. Уходя, мама оставила дверь нараспашку. Меня разбудила бабка Катя, сказала, что входная дверь снова открыта. А Розы дома не было. У меня раскалывалась голова, так же, как вот сейчас, будто битком набитая гвоздями – мысли зажевало. Я пыталась предположить, как Роза могла открыть дверь, но тщетно. Чтобы открыть входную дверь, ей нужно было бы встать на стул. Но все стулья у нас тяжелые, а табуретку я заперла в чулане, так как Роза уже пыталась с помощью нее залезть в буфет и упала, прикусив язык. Табуретка там и стояла. Но как же Роза открыла дверь? Ответ напрашивался сам собой – я забыла эту дверь закрыть. Меня кольнуло стыдом от отвращения к себе. Я спустилась во двор, так же, как и сейчас, но Розы там не было. Вернувшись, я позвонила маме. Даже не знаю, что я хотела. Я не намеревалась ей рассказывать о пропаже, но и не хотела с ней разговаривать на отвлеченные темы сейчас. Я просто позвонила и спросила, когда она думает приехать. В ответ она спросила: «А что, хочешь помыться наконец-то перед моим приездом»? Я все поняла – она приехала, и забрала Розу. Зачем так поступать? Она также добавила, чтобы я пришла к ним сегодня вечером и забрала Розу. Я знала, что меня ждет тяжелый разговор, поэтому вымылась и даже накрутила волосы. Но я не знала, что встречу там его. Наверное, хорошо, что не знала, иначе ни за что не пришла бы. Мне ведь было всего двадцать, я была жутко гордой. И глупой.

Когда я зашла, за столом уже сидели мама, он, Роза бегала по кухне в каком-то новом костюмчике. И моя сестра Тома тоже была, с Егором. В старших классах ботаник Егор одно время таскался за мной, и я часто у него списывала, Тома же училась на год младше, ей он помогал делать домашнюю работу. А теперь они в одном институте, встречаются. Милашки. Я зашла и не сразу поняла, как себя вести. Мама указала мне на стул, и продолжила щебетать. Олег пересказывал ей статью про конец света, который обещают с приходом 2000—го года. Мол, пора запастись водкой, тушенкой и уходить в бункер. Всем шутка понравилась. А я ведь уже два года как живу в бункере. С тушенкой и водкой. Кажется, я готова встретить конец света, как физически, так и морально. Мама перехватила мой взгляд и глазами спросила: «Почему? Почему ты вот так легко сдалась?». Олег часто заходил к ней, ведь она практически усыновила его: устроила на работу в милицию, сразу после того как случился дефолт и родителей Олега обчистили. Он остался без наследства, без жилья, без образования – и без партнерши. Но сегодня бьюсь об заклад – она пригласила его специально, чтобы мы пересеклись. Чего она добивалась? Что он посмотрит на мое помятое лицо и влюбится снова? В его глазах читалось сочувствие и стеснение. Он избегал смотреть на меня. Обращался только к маме, или к Томе. С Егором они никогда не контактировали. А может мама добивалась, чтобы я посмотрела на себя со стороны? «Жизнь не закончилась – он цветет и пахнет, сестра нашла парня, и тебе пора»?

Когда Олег и сладкая парочка ушли, мама попросила меня убрать посуду. Пока я мыла, она села за стол, и сказала, что я переезжаю к ним, жить буду в своей комнате. Под надзором. Вот чего она хотела. Показать, что я все еще маленькая девочка и нахожусь под ее контролем. Я буду делать то, что захочет она. Ведь я не обеспечиваю себя, не обеспечиваю ребенка, а значит, мое мнение вообще учитываться не должно. В общем-то, все так и есть. Я ничтожество, которое не может позаботиться ни о Розе, ни даже о себе. Ну и ладно.

Я собрала несколько пакетов и переехала к маме. Первое, что заметила из изменений – моя сестра. Она стала похожа на женщину. Раньше мы всегда ходили как красавица я, и моя

сестра Тома. Она тоже была приятной внешности, но какая-то бесполовая что ли. Она воспринималась скорее, как человек, а не как женщина. Сейчас что-то в ней неуловимо изменилось. Духами стала брызгаться. Ну и конечно парень ее, Егор. Когда я танцевала с Олегом, Егор бегал за мной, как многие другие парни, а теперь накатывало ощущение, будто из моей свиты исчез один подопечный. Но обидно не было, скорее забавно. Он также терся около Тома, как когда-то около меня. И почему он не придет в равное ей положение, перестанет уже лебезить как собачка. Когда я переехала, Егор стал приходиться чаще. Мы не общались, но я знала, что он идет мимо моей комнаты и боится посмотреть сюда. Так стесняются смотреть на тех, кто делает что-то интимное. Например, занимается сексом. Или на больного раком, оставшегося со своей болезнью тет-а-тет. Или на алкаша. Меня забавляло его смущение, и я специально выходила из комнаты, закуривала перед ним, а потом выдыхала дым прямо ему в лицо, делая вид, что не замечаю неудобства. Несмотря на мой растрепанный видок, я похожа навевала на него страх. Он начинал нервно шевелить пальцами, как краб, которого вытащили из воды, и он не знает, куда ему деться.

Я продолжала пить, но всегда убирала бутылки под кровать. Так как тихий час у Розы длился всего 2 часа, и я не всегда оставалась одна в это время, у меня не было возможности выкидывать бутылки слишком часто. Поэтому под кроватью собирались внушительные батареи. Я выкидывала их, только когда там уже совсем не оставалось места. Конечно же, мы разговаривали о садике. Но это значило, что мне нужно будет искать работу или поступать учиться. Я не знала, кем я могу работать без образования, а учиться не было желания. Точнее мне хотелось бы иметь диплом, но я не знала какой именно. Кроме танцев я ничего не умею. Что же до танцев, я исключала саму мысль о том, чтобы вернуться. И даже не могу назвать конкретную причину. Конечно, после такого перерыва мне уже не светил чемпионат, но, наверное, какой-то уровень можно было нагнать. С другой стороны, нужен был партнер. Партнера сложно найти даже для восьмилетней девочки, а уж для двадцатилетней почти нереально! Как только заходила тема танцев, в моей голове будто кипел мозг, мысли собирались в кашу, и выцепить какую-то конкретную было невозможно. Я просто нервничала и никогда не приходила к какому-либо ответу. Обычно я выпивала немного, и напряжение забывалось. Стеснялась ли я своей новой фигуры? Да. Стеснялась ли разговора с тренером, потому что надо было назвать причину ухода из танцев? Да. Хотя тренер обо всем знала, конечно. Боялась ли, что после перерыва мой класс упал как минимум вдвое? Да. Боялась ли, что не смогу найти партнера? Да, да, да! Но даже если бы сам Олег, вдруг, как в сказке предложил мне попробовать танцевать снова, в нашем старом зале, вместе – я бы отказалась. Было что-то еще, чего я боялась. Что-то гораздо более значимое. Но это «что-то» в лабиринте своих мыслей я до сих пор не нашла.

Однажды мы гуляли с Розой на площадке, ей было уже четыре или пять лет. Я по традиции подлила водки в бутылку из-под сока. Солнце пекло. На площадке гуляли первоклашки, слушали Бритни Спирс на кассетном плеере. Роза качала головой в ритм и лепила какие-то замки из песка. Бритни пела ничего так, но под нее можно было только танцевать, или подпевать в Розину пластмассовую лопатку. Для этих целей Бритни была незаменима. Но рыдать, как мы с Томой рыдали, можно было только под песни Юры Шатунова. И мне стало немного жаль первоклашек, которым даже порыдать-то было не под что. За этими мыслями я незаметно осушила бутылку и задремала на скамейке.

Меня разбудила какая-то женщина. Я проснулась с камнем в голове, кашей во рту и поняла, что пока я спала, пошел дождь. Я вся промокла. И Розы опять нет. Господи, ну и ворона! Больше никогда не буду пить во время прогулки. Во дворе ее не было, и я пошла в подъезд. Дома Розы тоже не было, зато дома была Тамара. Интересно, она видела меня на площадке, или нет? Наверное, не видела, иначе подошла бы. «А где Роза?» – спросила она. Я не знала, чего ответить, да и мозг мой еле соображал. Сказала, что Олег ее забрал погулять. И тут меня начала охватывать паника. Кто-то же действительно забрал Розу! Мою девочку. Кто-

то забрал ее. Она не могла уйти сама. Я начала судорожно набирать рабочий телефон Олега. Но время было уже больше шести вечера, и возможно он ушел домой. Он съехал из старой съемной квартиры, я не знала нового адреса. Порылась в нашей записной книге, но телефона так и не нашла. Ждала маминого прихода, когда в дверь позвонили. Олег. Он принес Розу, завернутую в плед. В его руках она мирно спала. Он не поздоровался, и, оттолкнув, прошел в комнату прямо в обуви. Положил Розу на мою кровать, и видимо слишком далеко поставил ногу. Под кроватью упала бутылка, повалив за собой еще несколько. Судя по звуку, около трех. Хорошо, что я выбросила большую часть вчера. Затем он вернулся, попросил швабру, чтобы затереть грязные следы на полу. Разделся и сел на кухне. Я предложила чая, а он послал меня на х... Он не матерился раньше. Я спросила, как Роза нашла его. На что он буркнул «привел участковый». Вот ведь как, позорище. Олег сказал, что ждет маму. А со мной разговаривать больше не намерен. Ну что же. Я почистила зубы, на всякий случай, и вернулась в комнату.

Они долго разговаривали на кухне, мама даже плакала, кажется. Я лежала с Розой, она была горячей. Ее плечи, руки и нос обгорели на солнце, а потом она простыла под дождем. Сейчас ее жарит. Мне было неловко заходить на кухню, но только там лежал парацетамол. Когда Олег ушел, мама спросила, зачем мне таблетки. Я рассказала свою версию. Конечно, опустила причину, из-за чего я уснула на площадке, объяснив, что мне стало плохо на солнце. Но мама итак все поняла. По виду она не была зла, скорее растеряна. На нее это было не похоже. Она как будто не могла принять решение, сомневалась.

На следующий день я поняла причину ее сомнений. Мама сказала, что я уеду жить обратно в квартиру. А Роза временно поживет с ней, до сентября. В сентябре Роза пойдет в садик, а у меня «сейчас есть время, чтобы поступить учиться или устроиться на работу». Я, конечно, стала протестовать, но мама быстро пресекла это. Либо так, либо Олег подаст жалобу в органы опеки, а это значит, что за нами будут присматривать. Она постаралась сказать это в шутку, но видно было насколько ее бесит такой расклад. Мне пришлось согласиться. Я навещала Розу почти каждый вечер. И даже поступила на вечернее отделение в институт. Я подумала, что могу работать днем, а вечером учиться. Роза пошла в садик, и постепенно переехала обратно ко мне. Все налаживалось. Тамара оканчивала институт и готовилась выйти замуж за Егора. Они с мамой были заняты предсвадебными хлопотами. Однажды мама попросила меня сходить в салон платьев вместе с сестрой. Они планировали пойти вдвоем, но мама была занята и опаздывала. Сестра примеряла платья одно за другим, шикарные, расшитые бисером, с огромным кринолином. Я сказала ей: «Том, ты похожа на принцессу из мультиков Дисней». На самом деле, в этих обалденных нарядах она была похожа на меня в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.